

**НОВЫЕ
ГЕРОИ**

**НАШ ЧЕЛОВЕК
СРЕДИ АНГЕЛОВ**

ПАВЕЛ КОМАРНИЦКИЙ

**ПРОДОЛЖЕНИЕ
СЛЕДУЕТ**

Павел Комарницкий
Продолжение следует
Серия «День ангела», книга 2

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=2818835

Аннотация

Оказывается, чтобы стать ангелом, совсем не обязательно умирать. Роман Белясов, романтик и просто хороший парень, обрел крылья благодаря случайности и, конечно же, большой и светлой любви. Отныне он живая легенда, биоморф, с зачатками всеведения и... Нет, до всемогущества пока еще очень далеко. На планете ангелов, опередивших в развитии людей веков на двадцать, Рома чувствует себя как пигмей в метро. Но он учится изо всех сил, чтобы стать полезным своим новым родичам, а вместе с ними и всему человечеству, которое в недалеком будущем ждут трудные времена.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	58
Глава 3	91
Конец ознакомительного фрагмента.	142

Павел Комарницкий

Продолжение следует

Глава 1

Врата Рая

Стены подземного зала светятся белым светом, и упругое покрытие пола под ногами сейчас тоже белое, так что кажется, будто все мы, отъезжающие и провожающие, плаваем в беспредельной сияющей бездне. Кио постарался, понятно. Я встречаюсь с ним взглядом, и он ободряюще улыбается мне. И все кругом улыбаются нам с Ирочкой ободряюще. Главным образом мне, конечно. Потому что сегодня мы покидаем Землю.

– Ну, вы готовы? – от папы Уэфа так и веет уверенностью. Все правильно. А то меня слегка колотит, если уже совсем откровенно. И все это видят. Да, при всех достоинствах у телепатии имеются и такие вот недостатки.

– Мы готовы, – отвечает за меня моя жена.

– Не бойся ничего, – это мне мама Маша. – Это же не времена Жанны Д’Арк. Это современная, очень надежная установка. За последние сто с лишним лет еще никто не пропал. Да? Это хорошо... Вот только даже самая надежная уста-

новка порой дает сбой. Ну я-то ладно, но ведь со мной моя Ирочка...

«Ты опять, как тогда?» – глаза Ирочки сузились. – «Нить перед переходом, это неслыханно! Если сейчас же не прекратишь... Спать сегодня будешь один, ясно? Нет, больше – трое суток подряд»

Я широко улыбаюсь. Вот уж чего я не боюсь, это точно. Трое суток... Да ты и одной ночи не выдержишь, моя родная.

Все смеются. Телепаты, понимаешь...

Длинный мелодичный сигнал. Тяжелая верхняя полусфера телепорта медленно всплывает, как невесомая. Блестит мелкая нарезка лабиринтного уплотнения.

– Прошу, – Юайя колдует над висящим перед ней в воздухе прозрачным изображением – виртуальным пультом.

– Давайте, – это Уэф, – длинные провода – лишние слезы.

Мы немного торопливо ныряем в углубление гигантского расколотого ореха. Тесновато немного вдвоем-то...

– Погоди-ка...

Ирочка выскакивает из углубления телепорта, подбегает к деду, столбом стоящему с краю шеренги провожающих, подпрыгнув, виснет на нем, целует куда-то в нос – все остальное у деда скрыто в бороде.

– Дед, мы вернемся. Вот сюда. Понял?

– Как не понять... – дед шмыгает носом. Расчувствовался, старый партизан. – До свиданья... внученька.

– Вот то-то. А то – «прощай». До свиданья!

Снова сигнал, уже не столь мелодичный. Требовательный сигнал. Ирочка возвращается почти бегом, торопливо приседает. Я уже совсем было собрался обнять мою жену крыльями, но она меня опередила, плотно прижалась, закрыла своими крыльями, как плащом.

Крышка телепорта плавно опускается, становится темно. Ну, с Богом...

Волна жара пронизала меня с головы до пят. Или холода? Нет, не то... Плюс мгновенная невесомость. Плюс вращение-головокружение-растяжение... Нет, опять не то. В общем, весьма необычные ощущения.

– Поехали... – бормочу я на манер Гагарина.

– Приехали, – фыркает в темноте Ирочка. Шипит воздух, втекая в камеру – наверное, снаружи он плотнее. Верхняя крышка медленно всплывает над головой. Как, уже? Не впечатляет...

«Тебя действительно трудно удивить» – Ирочка смеется.

«У нас на Земле подобный фокус я видел неоднократно. Только колпачков было три»

«А ты чего ожидал?»

«Ну, не знаю. Чего-то грандиозного, космического. Треска прорываемого пространства»

«Понятно. Тебе бы прокатиться на одной из наших древних, самых первых космических ракет. Вот где хватило бы острых ощущений»

Она выбирается наружу, я следом. Темно-синий упругий

пол под ногами, купол над головой ярко-голубой – вот и вся разница. Неужели мы вот только что преодолели сотни световых лет?

Нас встречают. Довольно представительная делегация... чуть не вырвалось – человек пятнадцать. Не человек, конечно. Ангелов.

– Бабушка! – Ирочка поет и щебечет по-ангельски, кидаясь к ангелу женского рода. Я вглядываюсь – вот так бабушка! Вылитая Ирочка, просто отражение. Те же черты лица, те же золотые кудряшки. Да, еще больше похожа на Ирочку, чем мама Маша.

Ирочка возвращается ко мне. Берет за руку.

– Познакомьтесь. Это мой муж.

Они все разом становятся на одно колено.

– Мы рады приветствовать вас обоих, живые легенды будущего.

Я вдруг осознаю, что моя свободная рука горстью прикрывает срам. Нет, я, конечно, по натуре своей скромный... Но даже моей невероятной скромности есть предел.

Хохот, обвальный хохот. Вот интересно, почему при разговоре на своем языке ангелы поют и щебечут, а смеются почти по-человечески?

Нас окружают. Чья-то рука касается меня, и вдруг по спине гулко хлопает чужое крыло, так, что я вздрагиваю от неожиданности.

– А это мой брат, Взлетающий на рассвете, – глаза Ирочки

смеются. – В детстве он мечтал стать учителем, но близкое общение со мной подорвало его веру в свои силы, и он нашел себе работенку попроще. Он у нас ученый, физик-теоретик.

Взлетающий на рассвете – а звучит-то как вроде Фью... Нет, определенно дед Иваныч окрестил бы его Федей. Точно.

«Ну ты же не дед» – Ирочка смеется уже вслух.

– Будем знакомы. Ты отчаянный парень, Победивший Бурю, если решился связать свою судьбу с этой вот вертлявой хохотушкой.

– А где Иуна? – это моя жена.

– А Иуна не смогла. Они сейчас на экскурсии на Побережье Грез, и ребятишек не на кого оставить. Да ты и сама могла бы услышать. Отвыкла?

– Точно, отвыкла, – смеется Ирочка.

Меня снова касается чья-то рука. Бабушка, так похожая на мою ненаглядную, смотрит мне прямо в глаза. Сияющая, затягивающая бездна. Нет, совсем она не похожа на Ирочку – у моей жены никогда не бывало вот такого взгляда, мудро-го, погружающегося в самые недра души. Даже у мамы Маши взгляд попроще, правда. Но я твердо выдерживаю этот взгляд. Мне нечего стесняться, вот что.

– Так вот ты какой, оказывается. Ничего, вполне.

Ну еще бы. Это мама Маша постаралась. Плюс ваша академия наук в придачу.

– Я не про это, – бабушка проводит пальцем по моим ребрам. – Это – всего лишь оболочка, дело наживное и в слу-

чае чего поправимое. Главное, что у тебя тут, — она легонько щелкнула меня по лбу. — Душа и ум, только они и имеют значение.

Она поворачивается к моей жене.

— Пригласишь ли ты нас завтра, Иолла?

— А куда она денется? — смеется братец.

* * *

Транспортный кокон летит в верхней стратосфере, уже на самой границе с космосом. Громадный бок планеты круглится под нами, белеют пятна облаков, правее тугой спиралью свернулся циклон. А над нами горят мириады острых, немигающих звезд, и даже неистовое солнце не может потушить их своим сиянием.

Ирочка прижимается, ее крыло ложится мне на спину. Господи, хорошо-то как...

— Вот ты и в Раю, — улыбается моя жена, — Как тебе?

Однако я не улыбаюсь в ответ. Эта фраза... Перед глазами стоит видение — Ирочка прыгает по разлинованному мелом асфальту. Смеющиеся глаза, становящиеся вдруг бессмысленными, и она нелепо оседает, и я не могу ее удержать. И моя ладонь в крови.

«Не умирай...»

Крепкий поцелуй разрушает недоброе наваждение. Я с готовностью отвечаю. Да, вот так. И пусть мы ушли из той, че-

ловеческой жизни. У нас впереди еще сотни лет. Сотни лет вместе. Мы прорвались, вот что. Мы живы.

– Я есть хочу вообще-то. Между прочим, в полете пассажиров положено кормить. Это известно даже нашему земному Аэрофлоту.

– Давно бы так, – она смеется. – Нытье, Рома, никогда и никому еще не помогало.

Кокон уже круто заворачивает вниз. Облака приближаются, вначале лениво, но с каждой секундой все резвее и резвее. Гаснут звезды, небо становится фиолетовым, синеет, голубеет. Ух! Мы пронзаем небольшое облачко, так что я даже успеваю заметить вихревой след. И легкий свист. Вот интересно, откуда свист?

«Ну это же не Земля. Здесь нет нужды маскировать транспортный кокон так тщательно. Достаточно, чтобы полеты не мешали жителям»

Свист исчез, скорость падает. Прямо под нами расстилается лесной массив. Массив – очень мягко сказано. Сплошное море тайги, от горизонта до горизонта, густо испещренное блюдцами-зеркалами маленьких озер. И над этим морем зелени – да еще и не зелени, цвет лесного покрова тут явно отлиывает синевой – там и сям торчат высоченные причудливые башни, да еще кое-где висят в воздухе безо всякой опоры некие штуковины, напоминающие плоские блины, поросшие тем же лесом. Ёкарный бабай, да это никак висячие сады!

Я таращусь на это чудо, раскрыв рот, но рассмотреть тол-

ком не успеваю. Кокон стремительно приближается к одной из башен, явно недостроенной. Да, точно, один каркас, весь-ма похожий на недостроенную московскую высотку из цельнолитого железобетона – стен нет ни одной...

Дальнейший ход моих мыслей был грубо прерван. Ирочка отстранилась, и вдруг сиденье подо мной исчезло, равно как и кокон. Я лечу турманом, ничего не соображая.

«Сюда!» – это моя жена. Она уже влетела в недостроенную башню, маячит в проеме, складывая крылья. Я влетаю следом, неуклюже торможу крыльями, едва не падая.

– Ну вот мы и дома.

Ирочка непривычно серьезна. Гладит стену – светлый ма-лахит с золотыми прожилками. Потолок жемчужно-белый, под ногами пушистый ковер невзрачного серого цвета – понятно, настройка выключена, помещение-то нежилое... Да еще на стенах красивые штуковины, и у края пропасти – а как еще назвать, если даже перил нету? – возле стен два высоких нефритовых вазона с переливающимися цветами.

– Это мамин дом. А папин далеко отсюда, на севере, в полярной курортной зоне. Да, там курорт, не смейся. Только там сейчас живет одна наша родственница, а тут... В общем, тут будем жить мы. Вот тут я родилась, между прочим. Нравится?

Я озираюсь. Нет, квартирка определенно ничего. Комнатка метров пять шириной, семь-восемь длиной. Потолок метра три с половиной. А там?

«А там еще комната, и дальше еще одна. На три стороны – на север, запад и восток. Так что мы сможем постоянно любоваться и закатами, и рассветами. Тебе понравится, вот увидишь»

Безусловно, закаты и восходы – это вещь. Да еще с такой высоты... Кстати, какой этаж?

«Двадцать седьмой. А всего этажей в этой башне шестьдесят пять. Есть башни и по сто этажей, и даже больше»

Я осторожно подхожу к краю. Ирочка насмешливо фыркает, и в голове у меня возникает картина – толстый кот, сидящий на шкафу, опасно заглядывает вниз.

«Ладно, смейся. Тебе хорошо, у тебя за спиной тысячи поколений крылатых предков. А у меня только дикие обезьяны»

Но тут мне удастся наконец взглянуть вдаль...

Господи, какой простор! Бескрайнее море сине-зеленых джунглей, на которое падает короткая тень от нашей жилой башни (солнце у нас за спиной), из джунглей повсюду свечами торчат другие башни. Левее в воздухе висит громадная плоская тарелка, густо поросшая сверху лесом, как торт свечами на юбилей у долгожителя, снизу свисает причудливая бахрома – ни дать ни взять люстра.

«Это жилые секции. Это же воздушный жилой комплекс, Рома»

«Ты бы хотела?..»

«Нет, мне больше нравится в башне. К тому же там жилье

дороже»

Совсем рядом блестит блюдце крохотного лесного озера, недалеко угадывается река. Поодаль мягко круглятся невысокие лесистые холмы. А до здешнего горизонта, почти теряющегося в дымке, кажется, не долететь и за сутки...

Ирочка фыркает, блестя глазами.

– Да, до горизонта долететь действительно трудновато.

Действительно. Это я опять ляпнул, по привычке.

– А вообще наша планета значительно больше по размеру, чем Земля, только более рыхлая – средняя плотность меньше. Так что сила тяжести практически такая же. Зато простор, Рома. У вас же там и повернуться негде. Нет, сама Земля планета немаленькая, но у вас же три четверти поверхности залито водой, да еще приполярные ледники, да высокие скалистые горы, да всякие тундры-пустыни... Где жить?

Слова «ледники» и «тундры-пустыни» Ирочка произносит по-русски. Все верно. Когда я учился разговаривать по-ангельски, меня поразило наличие десятков слов, обозначающих разные виды лесов. Но только одно слово, буквально означающее «пустырь», «безлесное пространство», используется ангелами для обозначения всех прочих ландшафтов – ледников, степей, тундр и прочих пустынь.

– Это правда. Когда-то, очень давно, у нас тут кое-где были... да, степи. А настоящих пустынь, покрытых камнями и песком, вообще не было. Когда стали регулировать климат, с этими пустырями довольно долго возились, пытаясь сохра-

нить их в первозданном виде. Но потом бросили это занятие, и они заросли плодовым лесом. И таких высоких гор, на которых ничего не растет, у нас тут нет. Так что теперь все четыреста пятьдесят миллионов квадратных километров суши – сплошные леса.

Солнце между тем жарит немилосердно. Хорошо, что сейчас мы на теневой стороне. Но все равно, влажная банная жара... Озерцо просто притягивает взор.

Я встречаюсь взглядом с моей женой, и мы без слов срыгаемся в полет. Скорей, скорей искупнуться...

* * *

– Нет, все-таки на Земле купание не в пример лучше. Разве это вода? Это чай!

Ирочка вылезает из воды, шумно хлопает крыльями, прыгает на одной ножке, вытряхивая воду из уха. Действительно, водичка тепловата. Парное молоко, даже еще теплее.

Неподалеку плещутся другие любители полуденного купания, на нас никто особо не смотрит. И то хорошо. Если все кругом начнут при моем приближении вставать на колени...

Ирочка звонко хохочет, аж присела.

– Мания величия прогрессирует, о мой Великий спящий!

– Слушай, не знаю, как насчет купания и мании величия, но у нас, на Земле, жены иногда кормят мужей. А у вас?

Ирочка фыркает, блестя глазами.

– И у нас сохранился подобный дикарский обычай. Ладно, мой хороший, полетели домой!..

* * *

Послеполуденная жара становится еще сильнее, но в глубине комнаты заметно прохладнее, так что я стараюсь держаться в глубине.

Я не торопясь обхожу свое новое жилище. Чисто. Интересно, почему так, ведь тут никто не живет, на этом ковре же должен быть толстый слой пыли?

«Тут орудует робот-«домовой», их обычно никто не отключает. Мало ли...»

«А где?..»

«Робот? Да тут, в кухне»

Малахитовая стена раздвигается, Ирочка ныряет туда. Я топаю следом. Сумрачное обширное помещение, вдоль стен кухонная мебель – столы, навесные шкафы. Пол блестит полированным малахитом. В углу обширная душевая кабина, ничем не огороженная. Потолок вдруг ярко вспыхивает.

– А там что?

– Там? Выход там, на площадку лифта. Подойди к стене и скажи: «открой!» Можно мысленно.

Я делаю как велено. Стена уходит в сторону. Еще более обширный и сумрачный холл, размеры коего еще увеличивают сплошные зеркальные стены. На стенах кое-где пристро-

ены причудливые горшки со странными светящимися цветами... нет, скорее кораллами, будто растущие из стены – в сочетании с зеркальными стенами они создают впечатление, будто эти самые цветы растут прямо из воздуха. Прозрачная труба, зеленовато светящаяся, метра три в поперечнике.

«Это лифт. Им пользуются грузовые роботы при доставке громоздких грузов»

Понятно. Интересно, а где тут лестница...

«Лестница? Нет никакой лестницы. Кому они нужны вообще, эти лестницы?»

Я возвращаюсь в квартиру, стена за мной закрывается. Осталось выяснить...

– Туалеты там, – Ирочка махнула растопыренной пятерней в угол, где притулились две кабинки, отвечая на еще невысказанный вопрос. Что же это у вас все в прихожей, граждане? И туалеты, и кухня... Душ вон открытый... Неаккуратно.

– В какой прихожей? – Ирочка пожимает плечами. – Нормальные гости влетают снаружи. Я же говорю, этим ходом пользуются в основном нелетающие роботы.

Понятно. Но неужели этот вот роскошный холл, эти зеркала и цветы-кораллы – все для роботов?

Она приближает ко мне глаза.

«Ясно. Ты все еще в основном человек, Рома. Да, я помню ваши человеческие дома... В квартирах все вылизано, а в подъездах – грязь, ободранные стены, мусор на полу. Фасад

какой-нибудь конторы выложен полированным мрамором, а во дворе – кучи мусора, какие-то уродливые железные будки и прочее безобразие. Я уж не говорю о ваших... да, заводах. Жуть и кошмар! И души многих, очень многих людей точно такие же – сверху тонкий слой глазури, а внутри – такая гадость... Нет, Рома. Один ваш, человеческий, писатель как-то сказал очень точно – в человеке должно быть все прекрасно... Тем более это относится к ангелам»

Я привлекаю свою жену к себе. В тебе-то все прекрасно, родная моя. А мне еще расти и расти...

Ее смеющиеся глаза совсем рядом. Крепкие настойчивые пальчики ложатся на мой затылок.

«Вырастешь. Ну куда тебе теперь уже деваться?»
Долгий, тягучий поцелуй.

* * *

– Сейчас попробуем соорудить ужин.

– Это замечательно. А то я уж начал опасаться, что отныне мне придется питаться исключительно святым духом.

Ирочка звонко смеется. В воздухе перед ней вспыхивает прозрачное изображение – виртуальный дисплей.

– Вообще-то это не дело, заказывать еду домой, но сегодня так уж и быть, потратимся.

– Аина мне говорила, еда у вас бесплатная...

– Верно. Почти вся бесплатная, за исключением разных

вычурных блюд-деликатесов. А вот за доставку надо платить, пусть и немного. У нас тут вообще так – платить надо в основном за свои капризы и причуды. По-моему, это справедливо, разве нет?

– Погоди-ка... – я перехватываю ее руку. – Мы не будем платить за капризы и причуды. Если я верно все понял, тут кругом сады?

– Жадный, да? – Ирочка смеется.

– Во-первых, не жадный, а экономный. Во-вторых, мне очень хочется посмотреть, как устроен ваш рай. И в-третьих, нам с тобой вовсе не мешает размяться.

Жена прикусила губку, тряхнула кудряшками.

– Ладно. Домовой, явись!

Створки одного из кухонных шкафов раздвигаются, и оттуда вываливается нечто, здорово напоминающее пылесос с несколькими шлангами... ага, с шестью. И шесть коротеньких гофрированных ножек, несущих ярко-красное округлое тело.

– Мне нужны две авоськи.

Устройство целеустремленно семенит на своих коротеньких ножках, достает откуда-то пару сеток-авосек, протягивает Ирочке.

– Свободен! – «пылесос» скрывается в своей нише, створки задвигаются.

– Здорово он тут вышколен. А меня он будет слушаться?

– Разумеется. Скажешь: «домовой, явись» – и он тут как

тут, приказывай. Нет, нет – это робота, вновь явившемуся на свет – Свободен! Это очень простая модель, он даже почти не разговаривает. Есть устройства покруче, даже с мыслеуправлением. Есть и у нас снобы, любители придуриваться. Ну, полетели?

Мы вновь выходим в комнату, сплошь залитую ярким солнечным светом. Становимся на краю. Странно... Только что был полдень, я же точно помню. А сейчас солнце уже явно склоняется к горизонту.

«Чем ты удивлен? У нас тут сутки восемь ваших часов. И наших, кстати. Удобное совпадение»

Точно. Я и забыл. У нас там Земля тоже когда-то вращалась весьма энергично, но за миллиарды лет ее здорово притормозила Луна. Эту же планету тормозить было некому. Здешние естественные спутники – их целых три – это просто мелкие астероиды.

«А час у нас делится на восемь (певучее слово) сектов. А каждый сект на восемь (певучее слово) минут. Так что и наши минуты почти те же – их в часе шестьдесят четыре выходит. Все просто!»

Да, все у них просто. И в году у них восемь месяцев, кстати. Куда ни кинь – всюду восемь.

– Все, Рома, полетели, время идет!

– А это брат?

Темно-синий шипастый плод выглядит устрашающе: ни дать ни взять какое-то взрывное устройство, густо нашпигованное шрапнелью.

– Бери, бери, – Ирочка смеется. – Взрывные устройства тут не водятся.

– А ядовитые растения?

– И ядовитых нет. И даже несъедобных. Все ядовитые растения и тем более твари остались только в заповедниках, на островах. Тут же дети бывают!

Ободренный Ирочкиными словами, я начинаю грести все подряд. Вали кулем, потом разберем. Моя авоська уже весомо оттягивает руки. Донесу? Должен... Ого, вот это фрукт!

Висящий на ветке чешуйчатый плод размером со средний арбуз выглядит весьма аппетитно. Я поудобнее устраиваюсь на толстом суку, плотно обхватив его ногами. Берусь за толстую плодоножку. Рывок!

«Плод» издает дикий визг, разворачивается и ловко царапает меня когтистой лапой. Я сижу в столбняке, а неведомый зверь, перебирая всеми шестью лапами, подобно древесной ящерице либо хамелеону, перелезает на другую ветку, потоньше и повыше, где и сворачивается в чешуйчатый шар, зацепившись хвостом и повиснув.

– А ты говорила – нету тварей...

Ирочка хохочет долго и звонко, и я невольно сам смеюсь.

– Это же ночной садовник. Очень полезный зверек, выведен генетиками на основе дикого плодояра. Очень давно уже, больше двух тысяч лет назад. Днем они спят, а ночами уничтожают всяких вредителей да заодно и очищают лес от перезрелых плодов. Да что там, они фактически и ухаживают за всем этим, – Ирочка обводит рукой вокруг. – А иначе никаких рук не хватило бы, что ты!

Да, я что-то такое вспоминаю – видел мельком в ихнем учебном фильме. Когда первые римские легионеры еще только пробовали свои мечи на ближайших соседях, эти и им подобные зверюшки уже всюду трудились на этой планете, медленно, но неуклонно превращая бескрайние дикие джунгли в роскошные сады.

– А почему не роботы?

– А потому что. Всякая техника, мой милый...

– Да-да, я помню. Всякая техника по сути своей протезы, и где можно, надо обходиться без нее.

– Умник ты мой, – смеется Ирочка. Вдруг настораживается. – Погоди-ка... Слышишь?

Я тоже прислушиваюсь. Где-то тоненько скулит-пищит неведомая зверюшка. И я даже ощущаю исходящую из ветвей волну одиночества и животного горя. Нет, здорово-таки я продвинулся в области телепатии.

Моя жена не раздумывает, с шумом срывается с ветки, ле-

тит на звук. Минута, и она возвращается, прижимая к груди маленького зверька, некую помесь обезьянки с курицей. Зверек четырьмя лапками вцепился в Ирочку, да вдобавок прижался полураспущенными крыльями.

– Смотри, это же детеныш (певучее слово, и я понимаю) летучей сони! Надо же, потерялся. Эти зверюшки домашние, между прочим. Откуда он взялся?

Я рассматриваю зверька, а он, в свою очередь, таращится на меня большими круглыми глазами. Радужные крылья, и кричаще-разноцветная шерстка на туловище. Нет, я не прав – это не помесь обезьянки с курицей, скорее с попугаем. Детеныш больше не скулит, успокоился, почувствовав защиту.

Я чувствую-ощущаю, как Ирочка твердеет, принимая решение.

– Все, Рома. Он будет жить у нас.

– Я всегда любил кошек, правда. А уж летающая макака – предел мечтаний.

– И не смешно вовсе. Я назову его... да, точно. Я назову его (певучее слово) Нечаянная радость.

Услышав это, зверек с видимым облегчением облегчился. Вот вам и первая радость...

– Поду-умаешь! – Ирочка передает мне свою авоську. – Тащи обе сетки, вот так. Донесешь?

– Должен... – я прикидываю вес. Ничего...

Между тем в лесу становится ощутимо темнее, откуда-то появляется и густеет сизый туман.

– Ого! – спохватывается моя супруга. – Мы провозились, сейчас стемнеет мигом, быстрее летим домой!

* * *

Мы сидим на краю, обнявшись. Должно быть, наши свисающие пятки отлично видны соседям снизу, но соседи молчат – ангелы вообще народ деликатный. Кстати, почему при полном отсутствии наружных стен мы не слышим ни звука от соседей?

«Потому что звук гасится шумозащитой. И нас не слышно, кстати. Не отвлекай меня, пожалуйста. Мне так хорошо...»

Да, действительно. Я чувствую-ощущаю, что моя жена в данный момент близка к состоянию полной нирваны. Дома, на родной планете, в родных стенах, да еще в объятиях родного мужа...

Честно говоря, мне все здесь весьма любопытно. Правда, закат мы проморгали – пока летели домой, солнце юркнуло за горизонт с неприличной для светила поспешностью, и тут же наступила темнота, будто повернули выключатель, так что наша первая трапеза превратилась в ужин «при свечах», то есть при искусственном свете. Нечаянная радость, плотно перекусив, немного попорхал по комнатам, исследуя свое новое жилище, а затем устроился на стенной икебанае – облюбовал себе ночлег, значит – свернулся в клубок, на-

крывшись крыльями, и затих.

«Теперь он будет спать всю ночь. Летучие сони вообще очень много спят»

«Да? Замечательный зверь! Я очень люблю домашних животных, когда они спят»

Ирочка смеется, укоризненно качая головой.

«Какой ты все-таки безобразный... Меня ты тоже больше любишь, когда я сплю?»

В ответ я тянусь к ней, целую.

«Тебя я люблю всегда»

Собственно говоря, здешняя ночь тоже хороша. Ох, до чего хороша! Мне повезло – я увидел райскую ночь сразу во всем великолепии.

Я уже знал, что планета имеет три естественных спутника. Дальний спутник, астероид поперечником в полсотни километров, выглядел совсем крохотным, вдесятеро меньше земной Луны, хотя и находился гораздо ближе. Средний спутник был побольше, диаметром километров сто пятьдесят, но и он сильно уступал ночному светилу Земли по великолепию. Но вот ближайший спутник... Он находился на столь низкой орбите, что обгонял и без того бешено вращавшуюся планету в своем орбитальном беге, подобно спутнику Марса Фобосу. Будь он чуть побольше, тяготение материнской планеты просто разорвало бы его на мелкие куски. Но этот спутник – всего лишь гранитная глыба в неполных два десятка километров, он слишком мал для того, чтобы стать жерт-

вой тяготения планеты. И вот я с восторгом наблюдаю парад лун – две неуклонно заваливаются на запад, а одна медленно, но упорно продвигается на восток. Приглядевшись, я даже различил форму этой маленькой упрямой планетки – крохотная, слегка вытянутая неровная картофелина, навсегда повернутая одним вытянутым концом к планете-хозяйке. А вокруг беспредельный космос, только звезды тут не колючие немигающие иглы – переливающиеся разноцветные огоньки, смягченные толщей влажной атмосферы, заметно более плотной, чем земная. И медленно угасающее тепловое свечение остывающего леса... Спасибо тебе, мама Маша, отдельное спасибо за мои теперешние чудесные глаза.

«Слушай, как красиво!»

«Нравится?»

«А разве может не нравиться такое?»

«Подожди, сейчас ты увидишь главное»

Небо на востоке медленно светлеет, будто там разгорается бледный колдовской огонь. Я уже понял...

«Да. Это восход Великой звезды. Сейчас... Вот сейчас...»

Словно ослепительный луч белого лазера полоснул по глазам. Я невольно зажмурился, а когда открыл глаза, все вокруг уже было освещено призрачным колдовским светом, и ослепительная белая звезда невероятной силы медленно, торжественно поднималась над горизонтом. Все прочие звезды враз поблекли и стушевались, и только несколько самых ярких еще пытались спорить с восходящим светилом.

Тщетно! Сила света этой звезды намного превосходила свет полной земной Луны, так что даже несовершенный человеческий глаз, наверно, смог бы уверенно различать цвета. Что же говорить о моем теперешнем зрении? И даже сам воздух приобрел какую-то зеленоватую прозрачность. А над бескрайними лесными просторами уже стелились прозрачные полотнища тумана...

«Я никогда не представлял себе ничего подобного... Это... Это...»

«Ну ты же видел фильм»

«Фильм – ерунда. Нет, фильм очень хороший, но по сравнению с этим – полная ерунда»

Да, разумеется, я кое-что просмотрел, чтобы не явиться в этот мир беспомощным желторотиком, но оказалось – все прах и суета... Одно дело знать, что Великая звезда – парная звезда здешнего светила, обращающаяся на расстоянии в сто с лишним астрономических единиц, со светимостью, почти вдвое превышающей светимость земного Солнца и так далее... И совсем другое – видеть все это своими глазами.

«Сейчас лето в разгаре, и Великая звезда восходит почти сразу после захода солнца. Зимой ночами ты ее не увидишь, она будет на дневной стороне. И вообще у нас сезоны «зима» и «лето» отличаются как раз по положению Великой звезды. Ведь ось вращения нашей планеты совсем не имеет наклона – меньше полградуса, так что сезонных изменений погоды нет совершенно»

Резкий порыв ветра, и на мою голову с размаху садится довольно увесистый зверек. Нечаянная радость.

— Брысь! — почему-то сдавленным голосом шиплю я. В ответ Радость поудобнее устраивается, крепко вцепившись в мои отросшие волосы коготками, и с урчанием начинает меня лизать. Выражает добрые чувства, стало быть... или просто этот насест понравился больше.

«Не обижай его, он еще маленький» — глаза Ирочки лучатся смехом.

«Это не дает ему право садиться мне на голову»

«Права не дают, их берут» — она смеется уже в голос. — «Тренируйся, Рома. Когда он вырастет, в нем будет килограмма три по-вашему»

В моем мозгу всплывает картина — упитанный крылан с размаху садится мне на макушку, и я даже слышу треск шейных позвонков...

«Ты хочешь, чтобы я погиб именно такой смертью?»

Ее глаза близко. Еще ближе. Сияющая, затягивающая бездна, особенно глубокая в этом невероятном колдовском свете.

«Ничего не бойся, я с тобой. Я спасу тебя от любого чудовища»

Ирочка протягивает руку, осторожно снимает зверя с моей головы. Нечаянная радость сопит, но поразмыслив, решает все-таки не возмущаться. Мне размышлять некогда — мои губы прикасаются к губам моей жены. Долгий, тягучий по-

целуй...

«До восхода еще три с половиной часа, мы вполне можем вздремнуть. Мне сейчас не хватает только одной вещи»

«Дивана»

«До чего ты догадлив, радость моя!»

* * *

– Ира, Ир...

– М-м?

Она уже засыпает, расслабленная, умиротворенная. Прижалась, одна нога закинута на меня, и поверх – веером распущенное крыло. Мне тепло и уютно.

«Не спится...»

«Ты не устал? Может, еще?»

Нет, все-таки бесстыдный народ эти ангелочки... Но я не против...

Легкий, щекочущий поцелуй – будто перышком.

«Спи, Рома. Завтра у тебя будет трудный день. А завтра тут наступает быстро»

Я вздыхаю. Да, это правда. Экзамен – он и в раю экзамен... А как еще назвать первый визит родственников, причем массовый визит? Да там одна бабушка чего стоит...

«А будут еще и дедушки, и прадедушка. И прабабушка тоже, учти. Я пригласила, и кстати, тебе будет очень любопытно и в высшей степени полезно познакомиться с моими

прабабушкой и прадедушкой»

«Кто они?»

«Сейчас моя прабабушка – социолог, а прадедушка занимается историей иных миров. А когда-то они были миссионерами, но это было давно – двести лет назад по-вашему. Но это долгая история»

Ясно. Семейная традиция...

«Да, Рома. Но ты не понял – они работали у (певучее слово) свиров. Не на Земле»

«Не на Земле? Что значит?...»

Ирочка смеется.

«Да-да, как же я забыла про манию величия человека... Видишь ли, Рома, люди – не единственные обитатели Вселенной. Есть и другие цивилизации, в том числе и такие, которым нужна помощь в развитии. Наша помощь, Рома»

Я перевариваю услышанное. Вот как...

«Ты ничего не рассказывала мне про этих самых свиров»

«А ты и не спрашивал. Тебя вполне устраивали многочисленные земные проблемы, зачем еще что-то? Люди еще очень и очень эгоистичные существа, как и положено дикарям. Такие алмазы, как ты, на вашей планете пока еще изрядная редкость»

«И ты контрабандой вывезла этот редкий алмаз...»

Ирочка звонко хохочет, весь сон слетел напрочь. Соседи же проснутся... Хотя да, шумозащита...

– Ой, не могу... Нет, с тобой положительно не соскучишь-

ся. Да, мой милый, такое сокровище я упустить никак не могла! Да спи уже!

«Нет, погоди. Покажи-ка мне еще раз тот прием, я что-то не разобрал. Быстро очень»

Ее глаза близко-близко.

«Какой именно?»

«Который ближе»

Моя ладонь скользит по ее телу, и вдруг натывается на теплый кусочек гладкого металла. Кольцо...

* * *

Она уже уснула, чуть чмокая. Чудо мое, невероятное чудо... А меня сон не берет...

Призрачный свет Великой звезды заливает комнату бело-голубоватым сиянием, искорками отсвечивают золотые прожилки в полированном малахите стены. Разумеется, я знаю, что это иллюзия – нет там ни малахита, ни золота, одна голография. Но красиво...

Призрачный свет вдруг становится интенсивно-зеленым, стены – мутно-прозрачными, как бутылочное стекло. А из кипения воздуха прямо у стенного проема возникает знакомый силуэт. «Летающая тарелка»...

Я пытаюсь вскочить, но руки-ноги мои неподвижны. Из моего горла не прорывается ни звука. И Ирочка спит, ничего не чувствует...

Люк аппарата открывается, по пандусу прямо в нашу комнату важно шествует зеленый человечек в ярко-синем комбинезоне, за ним циклопической глыбой высится биоробот Иван. На лице биоробота вежливая улыбка, которую немного портят выпирающие изо рта острые стальные иглы ядовитых клыков.

«Ты хотел нас о чем-то спросить? Я с удовольствием тебе отвечу. Все равно ты никому не расскажешь»

«Нет. Ты не сможешь»

«Почему? Да, вы выиграли ту партию, проклятые пернатые твари. Партию, но не игру»

«Вы проиграете и следующую. Вы будете проигрывать раз за разом, потому что вы мертвецы, не желающие признавать свою смерть. Вы ничего не сумеете, потому что вам, в сущности, ничего не надо»

У зеленого человечка нет мимических мышц, и его лицо по-прежнему бесстрастно, но я ощущаю, что он улыбается. И уже совершенно открыто-насмешливо ухмыляется Иван.

«Нет, биоморф, ты не прав. Мы очень хорошо умеем убивать. Уж это-то мы сумеем. И твоя самочка тоже умрет»

Он медленно поднимает руку, и в гибких пальцах сиреневым металлом отливает рубчатый цилиндр плазменного разрядника. Я не могу пошевелиться.

«Не судят только победителей. Проигравший всегда платит. На этот раз проигравший – ты»

Ослепительная вспышка пронзает меня, и в довершение

кошмара биоробот Иван взрывается со страшным грохотом...

– ... Проснись, проснись же!

Ирочкины огромные глаза прямо передо мной. Я судорожно хватаю ее, стискиваю в объятиях.

– Мне снился сон...

– Ты называешь это сном? Я же все видела, Рома. Если такие сны будут сниться тебе часто...

Я ощущаю, как она расстроена.

– Видимо, даже самая крепкая человеческая психика имеет предел прочности. И мамы здесь нет, вот беда... Как же ты будешь работать в службе внешней безопасности?

На улице грохочет ночная гроза, молнии разрывают мрак ослепительными вспышками. Ливень хлещет по прозрачным полосам жалюзи, опустившимся откуда-то сверху, отрезав наше жилище от буйства стихии.

– Я знаю, что делать. Я бабушке пожалуюсь, вот что.

* * *

– ... Хочешь орешков?

Тонкие руки моей жены так и порхают над столом, и я люблюсь ею. Призрачные лучи Великой звезды пронизывают ее, кажется, насквозь, и она вся светится – вспыхивают крохотными золотыми искорками кончики пушистых ресниц, золотом сияют кудрявые волосы, и настоящей радугой свер-

кают белоснежные крылья. Мой ангел. Моя Ирочка. Да, да, конечно, само собой, ее настоящее имя – Летящая под дождем, но я так привык к ее земному имени, что наедине она для меня только Ирочка, и никак иначе.

Она розовеет от удовольствия – чувствует мое любованье – озорно сверкает лазурными глазищами.

– Тебе необходимо как следует подкрепиться, мой бывший хищник. Я крепко на тебя рассчитываю. Во всех смыслах.

Ночная гроза освежила воздух, смыв банное тепло. И приснившийся мне ночной кошмар кажется теперь далеким и нереальным. Да был ли он?

Мы завтракаем на самом краю северной комнаты, ничем не огороженной. Более того, даже боковые стены втянулись куда-то внутрь, так что мы сидим теперь как бы на огромном балконе, метра на три выступающем за край башни. Отличное место – можно увидеть одновременно закат Великой звезды и восход солнца. Цветы в высоких вазонах светятся, радужно переливаются в предутреннем сумраке. Потолок тоже светится пепельным ночным светом, не нарушающим очарования колдовской ночи. Великая звезда стоит низко, на глазах опускаясь к далекому горизонту, готовясь уступить место настоящему солнцу. Да, солнцу, хотя оно, разумеется, называется иначе. Ну и что? Для здешнего мира эта звезда и есть солнце – светило, дающее этому миру свет, тепло и жизнь. Чего еще? Ведь и мама – это мама, как бы ее ни на-

зывали на разных языках.

«Непривычно спать урывками»

«Ничего, привыкнешь. Когда я попала на Землю, я тоже поначалу не могла привыкнуть к вашим бесконечным ночам. А уж зимой...»

«А у нас ведь бывают еще и полярные ночи, немного севернее»

«Вот именно. Знаешь, когда за окнами завывает снежная буря... Мне казалось порой, что ожили наши древние сказки про Мир Холодного Мрака»

«Интересно, как такие сказки могли возникнуть на вашей распаренной планете? У вас тут и снега-то нигде не бывает»

«Все же иногда бывает, ночами очень высоко в горах, там растут высокогорные черные леса, устойчивые к холоду. Возможно, эти легенды пошли оттуда. А вообще-то точно никто не знает, ведь этим сказкам тысячи лет»

Низенький столик завален снедью. Фрукты, орехи, съедобные стручки и прочая зелень непривычного вида. Впрочем, присутствуют еще яйца, причем двух видов – Ирочка заказала-таки. Когда успела? Одни мелкие, размером с вишню – их едят сырыми. Второе яйцо, размером со страусиное, покоится в вазе – верхушка срезана, торчит ложка. Всмятку сварено, понятно.

– Не нравится? До чего же ты капризен, радость моя! Извини, но о расчлененных трупах животных тебе придется позабыть, так что привыкай.

Я снова вздыхаю. Нет, все понятно, и я не в претензии. И между прочим, мясо, даже вареное, ужасно отвратительно на вкус. А уж жареное или копченое... Да, в этом я убедился на собственном опыте – еще тогда, на Земле, вскоре после перевоплощения, я попробовал съесть кусочек сервелата, и меня чуть не стошнило. Да, мама Маша была права – ангелу мясо противопоказано. Но не так-то просто отвыкнуть, когда за плечами у тебя тысячи поколений хищных предков.

Ирочка смеется, гладит меня по лицу. Видит мои страдания, телепатка.

– Бедняжка, как тебе тяжело. Ну возьми розовый гриб, он питательный, не хуже мяса. Попробуй, тебе понравится. Или вот, – она протягивает мне крупный фиолетовый плод, напоминающий помидор.

Я беру его, надкусываю. Терпкий сладковато-маслянистый вкус, в середине «помидора» длинная черная косточка. Ничего, есть можно.

Я наблюдаю, как Ирочкины пальчики щелкают четырехгранные местные орешки, вылушивая их из некоего подобия нашего земного ячменного колоса, только увеличенного до неприличных размеров. Да, все тут другое. Я снова обвожу взглядом убранство комнаты – ничего лишнего, только на стенах висят разные красивые штуковины, да пол покрыт мягким пушистым ковром, способным менять цвет. Сейчас он бледно-розовый, под цвет утренней зари, которую мы сейчас встречаем.

Я снова встречаю Ирочкин взгляд, в глубине которого таится смех.

«Ты прав. Спать на полу вредно, от этого снятся кошмары. Нам срочно нужен диван»

«Разве в Раю есть диваны?»

«Нет, так будут. Предоставь это дело мне»

* * *

Вот это да-а!

Нет, я по натуре человек довольно-таки ироничный, устойчивый к сантиментам типа «сю-сю». Но это... Нет, здешний восход – это что-то.

На Земле рассвет зреет неторопливо, незаметно для глаза. И я подсознательно приготовился к чему-то подобному.

Великая звезда еще не опустилась за горизонт, а на востоке небо уже стремительно светлело, наливалось огнем, и вот уже полнеба занимает алое зарево невиданного вселенского пожара, давая призрачный колдовской свет ночного светила. Вдруг в том месте, где вот-вот должно было взойти солнце, вспыхнула радуга. Еще, еще! Концентрические радуги нанизывались одна на другую, и вдруг огненный шар, раздутый толщей влажной атмосферы, торжествуя всплыл над горизонтом, на глазах теряя первозданную красноту, наливаясь ослепительным жаром, заливая весь мир потоками золотого горячего света. Небо почти мгновенно приобрело яркую

голубизну.

«Здорово! Нет, это просто здорово!»

«Нравится?»

«Да. Вот это уже определено да, без всяких размышлений. Знаешь, я понял...»

«Что именно?»

«Понял, почему вы именно такие. На этой планете разумные существа просто обязаны были стать ангелами. Видя каждый день такую красоту, невозможно быть злобной кроважной тварью. Чтобы стать ею, необходимо жить в смрадных продыmlенных пещерах или бетонных джунглях»

Моя жена прижимается ко мне.

«Ты все понимаешь. Ты же совсем все понимаешь! Какая я счастливая!»

Я нахожу ее губы...

Порыв ветра, сильный толчок, и на голову мне с размаху опускается Нечаянная радость. Ну это уже свинство!

«Не сердись на него, он еще маленький и глупый» – Ирочка осторожно отцепляет зверька от моих волос. – «Когда он подрастет, я научу его так не делать»

Да? Хорошо бы... Очень хотелось бы сберечь шейные позвонки...

«Зверь прав, и я присоединяю к нему свой голос. Солнце уже высоко. Наступает время второго завтрака»

Ирочка смеется.

– Нет, ты действительно рассчитываешь на ежедневное

четырёхразовое питание? Или вообще пятиразовое? Первый и второй завтрак, ленч и файв-о-клок? И все в течении четырех часов?

Все верно – в языке ангелов есть три соответствующих слова-понятия: «завтрак», «ужин» и «перекус на лету», он же «беспорядочное питание». И никаких файв-о-клоков.

* * *

Стены сияют розовым перламутром, и розовым светится потолок, и только ковер на полу белоснежный, с плавающими в глубине размытыми разноцветными огоньками. Длинный низенький стол, сильно напоминающий среднеазиатский дастархан, уставлен блюдами и корзинками, полными всевозможных фруктов – я раз семь летал за ними в близлежащий лесок и возвращался, пыхтя от натуги, с полными авоськами. Ирочка хозяйничала дома, настраивая визуальный образ стен, пола и потолка, затем по ее требованию «домовой» извлек откуда-то из недр кухни вот этот раскладной стол, посуду... Хорошая хозяйка всегда всю подобную черную работу делает сама, не напрягая своего мужа. Мне осталась лишь самая умственная работа – переноска тяжестей, вот этих самых фруктов.

Да, сегодня у нас большой визит Ирочкиных родственников. Великий визит, если учесть присутствие прабабушки и прадедушки. Я уже начал привыкать, что тут все великое.

Великая цивилизация, Великая звезда, Великий спящий...

– Великая скромность, – смеется моя супруга. Подслушала мои мысли, телепатка...

– Слушай, как мне обращаться к твоим?..

Ирочка пожимает плечами.

– Как обычно, по именам. Мою прабабушку зовут (певучее слово) Ночная тайна. А прадедушку Летящий поперек, – она вдруг фыркает. – Знаешь, уж кому-кому, а ему это имя очень подходит!

– А твою бабушку? Которая в аэропорту...

– Это была пристань для пароходов, разве ты не заметил?

– Не придирайся, я оговорился. Ляпнул, по обыкновению.

– Нечеткость фраз отражает нечеткость мышления, мой милый. В службе, куда ты идешь работать, тебя быстро отучат ляпать. Жалко, честно говоря, – она прижимается ко мне. – Я уже привыкла...

Да уж. Я как-то забыл, что меня берут в местную НКВД.

Ирочка отстраняется, и я даже чувствую некий пробежавший по телу холодок...

– Слушай, что я тебе скажу. Если ты не хочешь сразу же сильно обидеть своих новых коллег, никогда не называй службу внешней безопасности подобными словами. В земном отделе, куда тебя пригласили, очень хорошо знают, что такое НКВД и гестапо.

– Ладно, учту, – я полон раскаяния, и Ирочка смягчается.

– Ладно, мой хороший. Ты спросил, как зовут мою бабуш-

ку? Ее зовут Летящая под дождем. Иолла, короче.

– Не понял.

Она смеется.

– Чего ты не понял? Ты полагал, что в целом мире Иолла одна?

Я несколько секунд размышляю.

– Возможно, твое имя носят и другие. Я даже догадываюсь, что тебя называли так в честь бабушки – такое и у людей не редкость. Но то, что в целом мире ты такая одна, бесспорно.

Ее глаза близко-близко.

– Наверное, ты прав, мой любимый ангел. Да и какая я теперь уже Иолла? Я давно уже твоя Ирочка...

Долгий, тягучий поцелуй.

* * *

Нет, все-таки лучше пусть была бы человеческая гулянка. Там что – гармонь пополам, сапоги всмятку, морда вдребезги. Все просто. А тут... Вот, пожалуйста, все смеются. И подумать лишнего нельзя. Трудно мне, понятно?

«А никто и не обещал тебе, что будет легко. Все, что я тебе обещала, мой милый – мы всегда будем вместе»

«Этого достаточно. А все остальное – мелкие детали»

– Позволь дать тебе совет, Победивший бурю, – Ирочкина бабушка Иолла говорит вслух, то есть поет и щебечет, – Ты

все время стесняешься своих мыслей. Не надо. Я лично не увидела еще ничего отвратительного в твоих мыслях и чувствах. Думаю, все со мной согласятся.

– Да он нормальный парень, – это Ирочкин братец Федя-Фью, он сегодня присутствует со своей супругой. – Кто сказал, что все люди – кровожадные дикари? Ничего похожего. У него ни сабли с пулеметом, ни каменного топора.

Между прочим, так себе шуточка, еще похуже моих. Но все смеются. Я давно заметил, что все ангелы смеются весьма охотно. Веселый народ.

Братец Федя наклоняется ко мне, щурит глаз.

«Ну, если быть совсем уж точным, есть у тебя в голове кое-какие глупости, от которых не мешало бы избавиться. Но главное – это твоя любовь. Я рад за тебя и за Иоллу. А все остальное – дело времени»

«Спасибо... шурин»

– Иолла, – вдруг вслух говорит прадедушка, – спой, пожалуйста.

За столом становится тихо. Иолл здесь сейчас две, но я понимаю – просьба обращена к моей жене. Она пару секунд думает. Встряхнула кудряшками, рассмеялась.

– Тебе отказать не могу, прадед.

Она неожиданно становится очень серьезной. Молчит несколько секунд, и вдруг...

До этого я только раз слышал, как поют ангелы. Да, это было тогда...

...Пламя костра, разложенного прямо на густом травяном ковре во дворе старого скита. Взывающий, нечеловеческий мотив Поминальной песни.

«Тебе лучше уйти, Рома» – Ирочка не прекращает пения, говоря со мной. Она смотрит на меня прямо, в огромных глазах, кажущихся сейчас темными, мерцают отблески костра. Я растерянно смотрю на нее. В чем я провинился?

«Тебе лучше уйти, человек» – я вздрагиваю. Они все смотрят на меня, и в глазах пляшет огонь. – «Ты ни в чем не виноват. Но сейчас – уходи!»...

Нет, сейчас ничего похожего. Песня льется потоком, широко и привольно. Да, я знаю, что ангелы в состоянии сделать тембр голоса практически любым – так совершенен их голосовой аппарат, это не примитивные голосовые связки обезьяны, слегка доработанные эволюцией. Но это все теория, сухая и бесполезная. Разве можно описать такое?..

А песня уже сменилась, и тембр голоса другой. Словно наяву я вижу восход солнца – кольцевые радуги, нанизывающиеся одна на другую, и огненный шар, торжествующе всплывающий над миром, наливающийся ослепительным золотым жаром. Сопутствующий видеоряд, еще один фокус телепатии. Я хорошо понимаю слова, но сейчас они не имеют значения – я замороженно слушаю, как поет моя жена, и тело наполняется радостным восторгом ожидания. Песня Восхода, ей уже больше тысячи лет...

А песня уже взвивается, взлетает ввысь, и я будто ощу-

щаю свист ветра, бьющего в лицо, и упругую силу, вздымающую меня ввысь. Песня Восходящего Потока, стремительная и радостная, как сам полет.

И снова пение Ирочки меняет окраску, а голос – тембр. Снова песня льется широко, привольно. Мне даже слышатся голоса многочисленных обитателей здешнего леса, шум ветра в густых кронах деревьев. Песня Джунглей...

Новая песня. Плавно, медленно струится она, и я будто наяву вижу сгущающиеся прямо из воздуха полупрозрачные полотнища тумана в свете Великой звезды. Песня Ночного Тумана, одна из их лучших колыбельных, чувствую-ощущаю-понимаю я. Как я все это понимаю? Потом, потом...

Новая песня, и я уже почти физически ощущаю хлещущие в лицо, по разгоряченному телу и по крыльям струи яростного ливня. Крылья отяжелели, тысячи водяных нитей тянут вниз... Быстрее, надо просто лететь быстрее!

Как называется песня? И я тут же улавливаю чей-то ответ.

«Летящая под дождем»

Ирочка вдруг резко обрывает песню.

– Все, родственнички мои. Устала.

Они сидят еще пару секунд молча.

– Сестренка, ты молодец... – это ее брат. – И почему ты не пошла в певицы? У тебя же талант, а ты его зарыла...

– Подумаешь! – к Ирочке уже вернулась ее обычная насмешливость. – Зато я откопала такое сокровище, алмаз бесценный! – она прижимается ко мне, накрывает мою спину

развернутым крылом, без тени смущения. – В нем было почти семьдесят тысяч доллей, пока мама его не обтесала!

Все хохочут.

– Иолла, слушай, а у людей есть такие песни? – спрашивает вдруг жена Фью.

Ирочка снова становится серьезной. Думает.

– А хотите, я спою вам человеческие песни? Слушайте...

«Забота наша такая
Забота наша простая
Жила бы страна родная
И нету других забот...»

Они все слушают, блестя глазами. Они вслушиваются в непривычные слова незнакомого языка инопланетных существ, живущих за сотни световых лет отсюда. И они все понимают, ангелы. Для чего же еще тогда нужна телепатия?

«...И снег, и ветер
И звезд ночной полет
Меня мое сердце
В тревожную даль зовет...»

В моем мозгу возникает видение – несколько людей, растянувшись цепочкой, пробираются в ночи сквозь снежную бурю – явление невероятное для планеты ангелов, теплого Рая. Словно ожила древняя легенда о Мире Холодного Мра-

ка, рожденная тысячи лет назад, темной ночью где-то в высокогорных черных лесах. У них нет крыльев, у этих странных существ, так похожих на ангелов, и им приходится идти ногами, шаг за шагом, утопая в глубоком снегу. Но они дойдут, не сомневайтесь...

А песня уже сменилась.

«Кончился день

Кончился день, и опять ночь на землю упала

Смотрит луна на влюбленные пары

И тишину ночь напролет стерегут фонари...»

И будто наяву я вижу Воробьевы горы, залитые лунным светом, и здание университета, и сидящую на скамейке парочку... И полную земную Луну, громадным пятнистым шаром висящую в темном звездном небе – куда до нее здешним чахлым спутникам!..

Смолкла песня, но за столом тихо. Почему-то никто не решается нарушить первым хрупкую тишину.

– Ты молодец, сестренка, – тихо, серьезно говорит Фью.

– Да, я такая, – Ирочка скромно потупила очи. – И даже еще лучше.

И все смеются, весело и открыто.

– Однако нам пора, – первой встает прабабушка Ночная тайна. – Иолла, ты остаешься?

– Да, мама, – это бабушка. – Внучка просит помочь в одном деле.

– Да, нас она тоже просила. Победивший бурю, ты желаешь учиться?

– Учение – свет... – ляпаю я. Растерялся...

– Хорошо сказано, – одобрительно произносит братец Федя. – Главное – свежо!

Все опять смеются, весело и беззлобно. Публика уже рассасывается, все прощаются, один за другим и парами срываются с края, как ласточки.

– Тогда так. Мы с мужем все вечера свободны – она смеется – коротаем время по-стариковски. Так что можешь прилетать, хоть один, хоть с Иоллой. У нас есть немало материалов по «зеленым», думаю, тебе будет любопытно. До свидания!

Шелест огромных крыльев, и они с прадедушкой взлетают, взмывают свечками. Ничего себе старики!

«...видишь, какое дело – это у нас, у людей, с годами рыха растет да пузо, а у них, у ангелов – только ум» – вспоминаю я вдруг деда Иваныча.

«Точно, Рома» – это Ирочка, в глубине глазищ пляшет смех – «И в твоём организме пошел тот же процесс, пусть медленно, но неуклонно»

«Что-то уж очень медленно. А нельзя сразу – бац!»

«Такой способ есть. Только это запрещено законом»

«Почему?»

«Потому. Потом поймешь. Так делают биороботов»

– Извините, молодежь, что я прерываю ваше воркование. Ты просила меня, внука?

Из всех гостей осталась только бабушка Иолла, так похожая на мою Ирочку. Вот только сияющая, невероятная бездна глаз, где клубится вековая мудрость...

– Да, бабушка. Ты же врач, психиатр со стажем. Плюс ксенопсихолог.

– Была когда-то...

– У моего мужа вчера было видение. Очень нехорошее, бабушка.

Мне неловко. Подумаешь, какой-то сон...

«Это не так просто, как тебе кажется. У тебя теперь не бывает просто снов. Ты же Великий спящий!»

Кто это сказал – Иолла-младшая или Иолла-старшая?..

* * *

– ... Так что это твое видение попросту означает, что ты пока не готов к встрече с «зелеными» – бабушка Иолла задумчива, сидит на полу по-турецки, уперев руки локтями в колени и положив подбородок на сплетенные пальцы рук – И напрасно ты, внучка, считаешь, что его не возьмут в службу безопасности из-за одного-единственного кошмара. И уж совсем не обязательно, что это предсказание вашей судьбы. Будущее вообще неопределенно в принципе. Так что не стоит пока расстраиваться.

– Ну а я о чем? – я воспрял духом. – Подумаешь, ночной кошмар. Переел на ночь...

Они не смеются. Ирочка смотрит мимо меня.
– Хотелось бы верить...

* * *

– Ира, Ир...

– М-м?..

– А почему ты мне никогда не поешь?

Мы лежим прямо на полу, на пушистом ковре, переключенном в ночной режим – не бегают в толще размытые цветные огоньки, и сам ковер потемнел. В соседней комнате тихонько шипит, звякает «домовой», прибираясь после гостей. Удобная машинка, у нас на Земле я пылесосил квартиру сам...

Ирочка смотрит сквозь меня широко открытыми глазами, и я понимаю...

«Да, ты верно прочел. Я могла бы стать певицей, Аина права. Надо было начинать лет в пятнадцать, тогда... Но я пошла в миссионеры, и не жалею. Ну почти не жалею...»

«Почти...»

Она вздыхает.

«Любые способности, Рома, либо используются, либо утрачиваются. Что прошло, то прошло. Поэтому я редко пою. Не люблю. Кому нравится вспоминать об утраченном?»

Я глажу ее.

«Маленькая моя. Сколько у тебя уже потерь в этой жизни!

Карьера певицы, потом крылья...»

«Потом гладкая спина... Такой гибкости я не знала...»

«И спина тоже. Но главное – тот выстрел отнял у тебя целую человеческую жизнь. Десятки лет...»

Она заплакала внезапно, сразу, как обиженный ребенок. Я судорожно ласкаю ее, целую. Почему, ну почему я такой дуболом? Опять ляпнул. Язык мне вырвать...

«Мысли не вырвешь, Рома. Не кори себя. Ладно. За все это я получила награду»

«Балбеса с крылышками»

Слезы еще не высохли, но она уже смеется.

«До чего ты догадлив, радость моя!»

* * *

– ... Нет, сегодня положительно великий день. Когда-нибудь этот день войдет в анналы истории. Сегодня ваша служба внешней безопасности пополнится Великим Спящим биоморфом.

– Да, да, конечно. Сразу войдет в анналы, не сомневайся. А что касается мании величия, так это легко лечится, – смеется Ирочка.

«Достаточно жизни пару раз хорошенько ткнуть пациента мордой в дерьмо. Правильно сказала?»

«Мордой в дерьмо... И так выражается мой ангел...»

«С кем поведешься»

Мы уже стоим на краю, и моя жена заботливо прихорашивает меня, поправляет волосы, перья на сгибе крыла. Видит-ощущает мое состояние, мандраж, скрываемый за беспечной болтовней. Я посылаю ей мыслеобраз – домохозяйка в рюшках заботливо поправляет галстук запакованному в черный костюм муженьку-клерку. Ирочка фыркает, и в моей голове возникает ответ – кот, припадая на все четыре лапы, осторожно входит в новый дом.

– Не спи на лету, Великий спящий!

Я срываюсь с края, начинаю интенсивно махать крыльями, набирая высоту. Оп-ля! Нет, транспортный кокон – штука отличная, кто спорит, но когда тебя вот так, прямо в воздухе, перехватывает вдруг невидимая мягкая лапа...

«Автопилот кокона слушает. Куда доставить?» – раздаётся в моей голове бесплотный шелестящий голос. Все верно, ведь до сих пор я летал на коконе в роли багажа – «полетное задание» ему давали другие.

«В главное управление службы внешней безопасности»

«Принято»

Наша башня уже выглядит маленькой свечкой, торчащей из зеленого ковра. Кокон стремительно набирает высоту и скорость.

* * *

Башня как башня, высотой этажей в восемьдесят. Ну, мо-

жет, немного потолще той, где мы проживаем с Ирочкой. Со-
всем рядом блестит круглое блюдце лесного озера, с тремя
совсем уже крохотными лесистыми островками посередине.
Значит, тут и расположена спецслужба, способная противосто-
ять чужакам, обладающим невиданной по земным мер-
кам мощью...

Слева от меня пристраивается ангелок, машет крыльями
в такт моим.

«Здравствуй, Победивший бурю. Мы тебя ждем. Лети за
мною»

Он вырывается вперед, влетает в одну из открытых ком-
нат-ячеек. Да, ничего себе... Представить только, что у нас,
на Земле, вот так запросто можно было бы войти в Главное
управление КГБ на Лубянке, или в штаб-квартиру ЦРУ в
Лэнгли... Неужели каждый желающий может попасть сюда
прямо с улицы?

«А что такого? Каждый может попасть. Вот выйти удастся
не всем» – я вздрагиваю, и ангелочек смеется. – «Шутка»

– Будем знакомы, – он переходит на голос. – Я твой кол-
лега, похоже. Меня зовут (певучее слово) Летящий в ночном
тумане. Если коротко – Уот.

Я тоже представляюсь. Уот... Английское имечко-то...

«Нормальное ангельское имя. Хотя и довольно редкое»

«Извини. И в мыслях не держал...»

«Я и не обиделся. Хочешь маленький совет? Не рассыпай-
ся в извинениях по каждому поводу. Когда тебе удастся ко-

го-либо обидеть, ты почувствуешь»

Стена перед ним расступается, и мы оказываемся в прохладном сумраке громадного холла. Светящиеся цветы на стенах, какие-то стойки, коврики на полу... И они тут работают?

«И ты будешь, если не сбежишь»

Я оглядываюсь. Ничего тут такого... Перед глазами у меня встает картина, которую я видел через экран монитора Уэфа, во время той операции – зал, забитый оборудованием, циклопическая установка, теряющаяся во мраке... А где здешнее оборудование?

«Основное оборудование тут» – мой провожатый стучит себя пальцем по лбу, – «А вспомогательное в подземелье»

На одном из ковриков сидит в позе «лотоса» ангел женского рода, с «солнечными» бело-золотистыми волосами, мягко светящимися в полусумраке помещения. Глаза закрыты, лицо мягко расслаблено. Отдыхает...

«Работает. Не будем мешать»

А вот еще сотрудник, на этот раз парень. Перед ним горит в воздухе виртуальный дисплей. При нашем появлении он встает, подходит.

– Шеф, заказанный тобой Великий спящий доставлен – рапортует Уот.

– Меня зовут (певучее слово) Скользящий над волнами. Если коротко – Биан. Я начальник вот этих игривых лоботрясов, и если все получится – твой. Внимание! Все сюда!

Все подходят. Последней подходит девушка.

– Вот это тот самый кадр, которого мне удалось раздобыть благодаря координатору Уэфу. Биоморф, между прочим. Бывший человек. К тому же Великий спящий. Это правда?

– Когда как... Но в основном не жалуюсь, сплю крепко. Хохот, обвальный хохот.

– Нормально. Вот это – Летящий под дождем, оперативный сотрудник...

Как?

– Если коротко – Иол – подает голос Летящий – Тезка твоей жены, вроде.

Понятно. Нет, а чем я, собственно, удивлен? Как будто у нас такого нет – Валентин и Валентина, например...

«У нас – для тебя теперь вот тут, Победивший бурю» – Биан переходит на мысль – «А на Земле теперь для тебя «там». Привыкай, и побыстрее»

«А может, не стоит? Ведь он чем для нас особенно ценен – у него человеческая психика» – чей-то бесплотный шелестящий голос. Чей?

– Вот эта почтенная дама, которая любит спорить с начальством – Рассеивающая мрак – Биан снова говорит голосом – Наш ксенопсихолог, старейшая сотрудница всего земного отдела. Сто пятьдесят лет беспорочной службы. Наших лет, Победивший бурю, а по земному счету... Да, сто шестьдесят пять, точно.

Сколько, сколько? Это же она старше мамы Маши? Вот так девушка!

– Да, я неплохо сохранилась – смеется «девушка» – Ты можешь звать меня коротко – Аина.

– Вот это – Догоняющий ветер, если коротко – Уин. Тоже оперативный сотрудник, – Биан продолжает знакомить меня с коллегами. – Классный специалист по телепортации, помимо прочего, обучен работе с аппаратурой «зеленых». Тебе повезло, сегодня здесь вся группа. С работниками других групп отдела тебя познакомят по мере необходимости. Твоим обучающим будет Уот. Да вот Аина мечтает покопаться у тебя в душе, и я полагаю, это будет полезно вам обоим. Ну и ко мне подходи, если будут вопросы. Когда я с открытыми глазами, конечно.

– А если увидишь шефа с закрытыми глазами – обходи по широкой дуге! – встревает Уин, и все смеются. Весело и беззлобно.

– Ты вот что. Мы будем звать тебя Рома, – вдруг говорит Аина по-русски. – Так тебе будет проще хотя бы первое время, правда.

Они вдруг становятся очень серьезными, все и разом.

– Мы надеемся, что ты будешь достойной заменой Резвящемуся в восходящих потоках, Рома.

Я сглатываю. Да... Та сценка до сих пор у меня перед глазами. И поминальный костер...

«Их было двое. Еще Быющий крылом...»

– Вот именно, – Биан окончательно смурнеет. – Если бы тогда в паре пошел я сам, все было бы иначе.

«Не думаю» – это Аина.

– Зато я думаю! И тогда должен был думать... Никогда больше не буду привлекать к операциям на Земле сотрудников смежных отделов. Зарекся раз и навсегда! Мы и ликвидаторы, и никто кроме!

* * *

Уф, ну и денек! Да нет, не денек, больше – уже ночь на дворе. Причем скоро утро. Да, так мне теперь и работать – сутки через двое...

Впрочем, если я правильно понял, такой строгий график будет сохраняться для меня только на период обучения, куда со мной возится масса народу. А дальше у меня будет ненормированный рабочий день. Во всех смыслах ненормированный. Да, порядки тут весьма демократичные – никто не заставляет работников целыми днями торчать в конторе. При желании можно работать и на дому – есть виртуальный компьютер, есть видеосвязь, телепатия, в конце концов. Можно перекусить в любое время, слетать в близлежащий лес, можно даже искупаться в том озерке, возле башни. Многое позволяет здешним сотрудникам. Не позволяет лишь одно – неисполнение задания. Это закон.

И когда приходится туго – а такие случаи здесь бывают

не так уж редко – все, кого это касается, без звука работают столько, сколько нужно – сутки, двое, трое... До победы. И это тоже закон.

Ну и командировки, конечно. На Землю, поскольку это земной отдел. Если понадобится – длительные.

Но это позже, гораздо позже. А сегодня...

Меня таскали по этажам – мы с наставником порхали, как воробьи, катались на лифте, даже скользили по какому-то гладкому металлическому шесту. Мне задавали кучу вопросов вслух и мысленно, смотрели в глаза... Потом какие-то личности обоего пола тыкали в меня холодными штуками, кололи – кажется, был медосмотр... Вскоре я обалдел совершенно, и Уот, видя мою недееспособность, прекратил мои мучения, отправив домой с разрешения Биана.

На прощание мой наставник выдал мне «домашнее задание» – скинул на компьютер кучу учебных фильмов, которые мне необходимо просмотреть к следующему разу. Так что отдыхать мне вряд ли придется.

Транспортный кокон несется меж звезд, среди которых даже острым ангельским зрением не отыскать земное Солнце.

«Вот ты и в Раю. Как тебе?»

Да, похоже, мне будет трудно. Но мне никто не обещал, что будет легко. И я согласен.

«Рома, отзовись»

«Да, моя маленькая» – я в раскаянии. Даже не поговорили ни разу за столько времени. Как же это?

«Как ты? Вижу, за тебя взялись всерьез»

«Это точно»

Я ощущаю волну ее нежности и сочувствия.

«Ну потерпи, родной. С непривычки всегда тяжело. Как говаривал Коля-Хруст, трудно в мучении – легко в раю»

«Во-во. В Раю...»

«Ты недоволен?»

«Разумеется. Вот уже столько времени не видеть свою жену...»

Шелестящий бесплотный смех.

«Сейчас твои мучения прекратятся. Я отвечаю»

Кокон уже круто падает вниз, и звезды, еще минуту назад острые и колючие, начинают мелко дрожать сквозь нарастающую толщу атмосферы. Я тоже, кажется, начинаю мелко дрожать. Сейчас... Вот сейчас...

Глава 2

Новичок

– ...Ну, ну. Ты мне тоже нравишься, малыш. Сейчас, сейчас...

Нечаянная радость сидит у меня на голове, крепко вцепившись коготками в волосы. Урчит, лижет меня, выражая удовольствие. Я разрезаю на кусочки фиолетовый плод, так похожий на земной помидор, с длинной черной косточкой внутри. Завтрак для зверенка...

Все тихо в квартире. Ирочки сегодня нет – ее пригласили в Общество ксенопсихологии, где ее доклад «О воспитании детей в человеческом обществе» произвел эффект разорвавшейся бомбы. Вот и сегодня у них диспут. В большом авторитете у них моя супруга. Самая юная среди всех, между прочим. Вундеркинд. Да, для ангелов двадцать шесть лет, пусть и здешних – возраст совершенно детский.

Нечаянная радость наконец покинул мою голову, урча, поедает свой завтрак. Ешь, ешь, маленький обжора. Сейчас он уgomонится, уснет, и я продолжу свои занятия.

Зверек сладко жмурится, потягивается. Вспорхнул на ближайшую настенную икебану, свернулся клубком. Спи, малыш.

Я включаю виртуальный дисплей мысленным усилием.

Итак, на чем мы остановились?

... Буйно пылают джунгли, из клубов дыма вылетают разъяренные грифоны – конкурентный ангелам вид, хищные демоны, с древнейших времен преследовавший их, ночной ужас тысяч поколений Ирочкиных предков. Огромные черные крылья со свистом рассекают воздух, мелькают оскаленные клыкастые пасти, страшные крючковатые когти. Но что значат когти и зубы против настоящего разума? Звенят титивы ангельских луков, и падают в горящий лес грифоны, пронзенные отравленными стрелами. Да, именно этот сюжет показывала мне Ирочка, еще тогда, на Земле.

Когда исчезла последняя колония крылатых демонов, точно неизвестно – в то время здесь еще не было ни письменности, ни тем более летописцев. Но случилось это вовсе не так давно, где-то тысяч шесть назад по местному счету, или шесть тысяч шестьсот по земному календарю. В то время люди на Земле уже всю бросали ячменные зерна во вспаханную влажную землю, и первые козы уже блеяли в загонах древних скотоводов. Да, на Земле уже начался неолит, а тут все еще пробавлялись сбором диких плодов и орехов, выискивали в ветвях птичьих гнезда, не брезгуя при случае и насекомыми – голод, он никому не тетка.

Да, выходит, в то время люди даже превосходили ангелов в развитии... Погоди-ка. А почему, собственно, превосходили? Неужели развитие цивилизации определяется объемом землеройных работ? Да, здесь цивилизация пошла по

другому пути. Здесь не рыли многокилометровые оросительные каналы, здесь не корчевали вековые деревья, не выжигали цветущие леса, чтобы на пустырях, засыпанных золой, два-три раза посеять сорную траву с мелкими, несъедобными в сыром виде зернами. И землю здесь не пахали сроду. Здесь развивалось садоводство, гораздо более выгодный способ земледелия в условиях влажных вечнозеленых джунглей. И скотоводство здесь ограничилось разведением кое-каких мелких летающих зверюшек, несущих питательные яйца – ведь ангелы не едят мяса.

А на экране уже мелькают следующие кадры. Огромным факелом полыхает стоящая на скале неприступная башня, с наглухо задраенными коваными железными люками. Логово проклятых рабовладельцев. Интересно, кому в голову впервые пришла такая идея – поймать, отрубить крылья, чтоб не улетел, заставить работать побоями и пытками?.. Неважно. Тех ребят уже нет в живых, а сейчас вот не будет и этих. Вся округа собралась, чтобы выжечь осиное гнездо. Чтобы не осталось потомства, праха и имени.

Дождем сыплются бутылки грубого стекла, заполненные горючим маслом, и огонь уже раскалил железные люки входов. Вот люки разом распахиваются, и бандиты с чадами и домочадцами, сбившись в тугой клин, пытаются прорваться сквозь кольцо осаждающих, уйти от возмездия. Головы их повязаны зелеными лентами, чтобы в бою отличить своих. Тщетно! Навстречу прорывающимся взлетает свежий рой

воинов, их головы повязаны красным. Звонят тетивы луков, свистят отравленные стрелы, с шумом рассекают воздух огромные крылья, пронзительно визжат бойцы. Нападающих вдесятеро больше, поэтому бой скоротечен, и вот уже только перья носятся в воздухе, как будто распороли гигантскую подушку.

А вот уже пустую, выгоревшую башню обрушивают со скалы. Трещат от натуги многочисленные веревки, скрипят ворота лебедек. Высокая остроконечная башня вздрагивает, медленно кренился и с грохотом рушится вниз, хороня под собой несбывшиеся мечты очередного бандита о королевском титуле. Зародыш несостоявшейся империи уничтожен.

Рабовладение – болезнь очень опасная и к тому же заразная, но здесь ее удалось подавить в самом зародыше. Эпоха Проклятых Башен длилась очень недолго. Она началась тогда, когда воины первого фараона Нармера своими каменными топорами утверждали в долине Нила новый порядок. А когда строили самую первую пирамиду великому фараону Джосеру, последние башни уже рушились в облаках пыли. И все. Больше попыток установить рабство здесь не было. Возможно, кое-кому и позже приходили в голову подобные идеи, но руины Проклятых Башен и валяющиеся истлевшие кости несостоявшихся императоров наводили на серьезные размышления, и товарищи воздержались.

И городов здешняя история никогда не знала. Не было тут

городов! Казалось бы, какая цивилизация может быть без городов? Оказывается, может.

Для чего людям были нужны города? Прежде всего – для защиты от врагов. Высокие и толстые крепостные стены, мощные ворота – нас не достанут! И потом, это же очень удобно, когда все рядом с домом – мельницы, пекарни, свинарники... Да, для существ, способных к передвижению со скоростью каких-то пять километров в час город – решение коммуникационных и транспортных проблем, пусть не всех, но многих.

А зачем города ангелам? Для летучих существ, способных за час пролететь сотню верст, проблем коммуникации не существует. К тому же уже тогда у них тут существовали природные телепаты, способные слышать других на расстоянии в десятки, а то и сотни километров.

(На Земле люди исстари боялись всевозможных колдунов и ведьм. Их избегали, их изгоняли, их убивали. Точку в этом деле поставила святая инквизиция. Всех ведьм и колдунов – на костер! И с каждым поколением среди людей таких уродов становилось все меньше и меньше, пока само понятие «телепатия» не стало чисто виртуальным.

Здесь же телепатов ценили, лелеяли и холили, любая девушка мечтала о таком женихе. Или любой парень о такой невесте. Еще бы – природный беспроводный телеграф! И с каждым поколением телепатов становилось все больше и больше, они учились друг у друга, развивали природный дар,

ошупью находили приемы... И вот уже такие «живые телеграфы» есть в каждой общине, в каждой деревне. Ах, у вас нету? Да как же вы живете в своей глухомани? И гипноза тут не боялись, и прочих колдовских штукек...)

Но самое главное – никакие крепостные стены не могут защитить от летающего врага. Ну и кому они нужны тогда, города эти?

На экране проплывают кадры идиллической жизни сельской общины. Высоченная деревянная башня, некая помесь пожарной каланчи с геодезической вышкой, торчит из лесу, в кронах окрестных деревьев копошатся, визжат ребятишки. На открытой верхней площадке маячит часовой – мало ли, до Эпохи Всеобщего Процветания еще далеко...

Казалось бы, такое поголовно сельское общество обречено на вечный застой. Однако этого не случилось. К тому времени, когда рухнула последняя Проклятая башня, тут уже начал работать самый мощный двигатель прогресса.

Деньги.

На экране машет крыльями, выбиваясь из сил, ангел с притороченной на груди сумой, похожей на сумку парашюта. Нагрузился, бедняга, как в воздухе держится. Да, вот так и начинался тут местный капитализм – с челноков-коробейников, мелких неорганизованных купцов.

А вот уже группа таких торговцев машет крыльями, собравшись в клин, будто лебеди. Вместе и веселее, и безопаснее – среди древних ангелов тоже попадались всякие...

Нет, я ошибся, купец тут только один, а остальные просто переносчики товара. Разбогатель купчина, торговля набирает обороты, одному столько товара не перетаскать, вот и приходится нанимать грузчиков...

Эпоха Немеряной Жадности, так ее теперь тут называют. Зачем тебе столько денег, купец? Как зачем? Чтобы делать деньги. Да зачем? Чтобы делать еще деньги. Чего неясно?

Но вскоре развитие торговли уперлось в транспортную проблему. На Земле города исстари строились возле морских и речных путей. Здесь же население, тогда еще довольно редкое, было рассеяно по бескрайним просторам суши. Как возить товары? Некоторое облегчение кое-где приносили лодки, но и они не решали проблему радикально – пока проберешься сквозь джунгли по извилистым мелководным рекам... Выигрыш в грузоподъемности напрочь съедался потерей в скорости доставки. А раз не развивается торговля – не растет и производство. Прогресс надолго встал, уперевшись в стену. На огромной планете, сплошь покрытой лесами, проблема казалась неразрешимой.

Но разумное существо – на то и разумное существо, и оно всегда найдет выход. На экране вертится детский воздушный шарик, привязанный к дереву... Нет, я опять ошибся. Никакой это не детский воздушный шарик, конечно. Летучий споронос местного дерева, именуемого «трескучкой», из-за способности лопаться с громким треском, разбрасывая облако мелких спор.

Спороносы трескучек наполнены водородом, вырабатываемым самим деревом. Природа подсказала выход.

На экране любопытные кадры – целая стая ангелов, усиленно работая крыльями, тянет неуклюжий баллон привязного аэростата. Аэростат из грубой рогожи наполнен собранными с трескучек спороносами, обеспечивающими подъемную силу. Снизу болтается корзина с грузом. Выход найден!

Спороносы трескучек – штука недолговечная, они быстро лопаются. Вскоре аэростаты стали делать из непроницаемой ткани, проклеенной соком местного растения-каучуконоса, наполняя их самым газом, собранным из растений. И вот уже баллон аэростата на экране приобрел вполне цивилизованный вид – хоть сейчас ставь на воздушное ограждение.

(Между прочим, сооружение грузовых аэростатов дало мощный толчок текстильной промышленности – до этого ангелы, не знавшие одежды, тканей практически не изготавливали, только разве на паруса употреблялась грубая дерюга, и то не часто)

Но прогресс – на то и прогресс, чтобы не останавливаться на достигнутом. Куда это годится – такая орава воздушных бурлаков! Цена рабсилы растет, убытки, сплошные убытки... Нет, так не пойдет. Грузовым аэростатам нужен механический двигатель, вот что.

На экране мелькают кадры – вертятся заводные пружинные механизмы, струи пара из сопел вращают «беличье колесо». Не то!

Ходит взад-вперед поршень паровой машины, вращается коленвал. Да, в этой машинке что-то есть... Нет, определенно на воздушное судно такую штуковину взгромоздить не удастся, тяжела больно. А вот для речной грузовой баржи вполне сойдется. И для заводиков пойдет!

И вот уже первые пароходы, пыхтя, пробираются по рекам. Десятки, сотни, тысячи пароходов! Джунгли окутывались дымом, прибрежные леса трещали под топором – пароходам нужны дрова, заводам – тоже. А сколько нужно древесного угля для выплавки железа?! Но лесов пока много, опасности нет.

Да, пароходы резко ослабили остроту транспортной проблемы, но до конца ее не решили. Оставалось сделать один шаг.

До железных дорог дело тут не дошло. На экране медленно, торжественно плывет первый дирижабль, винты молотят воздух, ветер сдувает сизый дым выхлопов. Наконец-то!

(Кстати, после прежних компьютерных реконструкций кадры полета первого дирижабля выглядят бледно. Зато это уже настоящая кинохроника. Технический прогресс...)

Итак, многовековая проблема решена окончательно. Но технический прогресс неостановим. Растет грузоподъемность воздушных судов, мягкие несущие баллоны сменяют жесткие конструкции – сперва из дерева, затем из металла. И вот уже гигантские цеппелины, сверкая дюралевой обшивкой, плывут в небе, потрясая своими размерами.

Однако технический прогресс характерен тем, что при решении одной проблемы обычно возникает куча новых. Водород слишком опасен для таких гигантов, его вытесняет гелий – значит, нужна мощная газовая промышленность. Для строительства воздушных судов нужен дюраль – надо строить заводы по производству алюминия и магния. Для заводов нужна электроэнергия, стало быть, надо строить электростанции. А электростанциям опять-таки нужно топливо, много топлива... А двигатели-компрессоры разные, а плантации масличных деревьев – не для еды, для производства моторного топлива... И на все нужны деньги, деньги, деньги... Зачем вам ваши миллиарды? Помилуйте, да разве это деньги?..

Они появились уже ближе к концу Эпохи Немеряной Жадности, эти ложные пророки. Это что же получается за прогресс такой? У одного денег море, личные башни, дирижабли, а у других – горсть орехов, и даже от дождя укрыться негде. Где справедливость, граждане?

Идея взять все и поделить настолько проста и очевидна, что регулярно приходит в головы немалому количеству разумных существ во всех населенных мирах. И я совсем недавно проживал в одной из стран, где подобная идея на короткое время восторжествовала. Тут важны две вещи. Первое – чтобы идея завладела умами достаточного количества не слишком разумных существ, создав критическую массу, достаточную для взрыва. И второе – нужен детонатор, Вели-

кий Вождь, который мог бы сплотить эту массу и повести за собой, чтобы брать и делить.

На экране мелькают кадры – горит высокая вычурная башня, мельтешит, роится крылатая толпа, взвиваются пронзительные крики, бахают выстрелы. Ого, а это уже очереди! А вот и взрыв... Да, прогресс везде прогресс – эпоха луков и стрел осталась далеко позади.

Но все-таки, видимо, ангелы – не люди, произошедшие от хищных обезьян. Видимо, уже тогда они были умнее, а главное – добрее нынешних людей. И Великим Вождям так и не удалось набрать критическую массу толпы, нужную для взрыва. И не было тут Великой и Страшной революции, которая потрясла мир.

Да и местные воротилы, похоже, были умнее. Вовремя сообразили, что не стоит перегибать палку. Лучше отдать часть, чем потерять все, включая голову. Так начались «капиталовложения в народ».

(И еще одно: здесь не было страшных мировых войн, буквально разорвавших наш, человеческий мир – и раз, и другой... Как остановились? Наверное, папа Уэф знал, что говорил – одумались. Поняли, что третий раз будет последним. Даже маленькие зеленые человечки, орудующие на Земле, поняли это. Кому он нужен, пустой мир?

Да, мировых войн тут не было. Но, похоже, мелкие разборки таки бывали, для чего имелось соответствующее оборудование – что-то же там, на экране, стреляло-бахало?)

Вложения в народ оказались лучшим средством от революций, и эпоха Ложных Пророков естественным образом сошла на нет. Ну, может, не совсем естественным, ибо большинство пророков и их наиболее рьяных последователей были насильственно переправлены в лучший мир, где уже никому ничего не надо и потому всем всего хватает.

А еще недолгое время спустя местные власти с изумлением обнаружили, что бесполезные с точки зрения немедленной прибыли затраты странным образом окупаются, возвращаясь в виде умных, квалифицированных работников, ученых и специалистов, и прибыли поползли вверх. Ха, а мы и не знали!

На Земле колесницы фараонов все еще колесили, утверждая среди соседей новый, прогрессивный рабовладельческий строй, выколачивая из окрестных земель золото и рабов, а здесь уже началась Эпоха Изобилия.

Вот сверкает непривычно-темной обшивкой громадный цеппелин, только нет за ним сизых выхлопов – электромоторы, питаемые от солнечных батарей, двигают его гигантскую тушу.

(Кстати, такие вот аппараты оставались основным видом транспорта вплоть до открытия антигравитации, и никакие самолеты-вертолеты, тем более автомобили тут так и не появились. Зачем? Грузоподъемность дирижаблей в плотном воздухе планеты составляла десятки тонн, а личный транспорт... Да крылья-то вам зачем, товарищ?)

А вот это уже серьезно. За толстым сизого цвета металлическим барьером (свинец?) к перископам прильнули ангелы, в которых даже беглый взгляд без труда распознает ученых. Пол комнаты за стеклом выложен шестигранными цветными плитами, и многочисленные маленькие лебедки тянут из этого пола длинные, длинные стержни... Есть цепная реакция! Да, для планеты, не имеющей хорошего угля и нефти, это выход.

А вот уже не атомная – термоядерная электростанция гонит ток по многочисленным проводам, веером разбегаются высоковольтные линии.

А вот еще сюжет-отрывок из древней хроники. Длинное, остроконечное тело ракеты стремительно уходит ввысь, оставляя за собой белый инверсионный след. Ура, наши в космосе!

(Твердотопливные ракеты, подобные этой, долгое время оставались единственным средством выхода в космос. О пилотируемых полетах тогда и не помышляли – высокая орбитальная скорость такой крупной планеты делала затруднительными запуски даже мелких спутников)

А прогресс все прогрессирует и прогрессирует. На экране группа ангелов в зеленых комбинезонах, крылья забраны чем-то вроде тончайшей кисеи, на головах шапочки, на лицах – маски. На операционном столе лежит знакомый чешуйчатый зверь, пока еще дикий лесной плодояр. Еще один в углу в клетке. Беспокоится, не подозревая, что его

славные потомки вскоре начнут свою колоссальную работу по превращению джунглей, уже изрядно потрепанных техническим прогрессом, в дивные плодовые сады.

А вот такого я еще не видел. Здоровенный шар, напоминающий громадный газгольдер, медленно и плавно поднимается вверх. Нет, это не аэростат. Это первый гравилет. Цивилизация взяла следующий барьер, овладев гравитацией. Безраздельному господству дирижаблей в воздухе пришел конец. Но что гораздо важнее, теперь вывод грузов в космос – процесс несложный и дешевый.

Еще, еще! Дальше, выше, быстрее! Исчезает паутина ЛЭП, исчезают с поверхности планеты промышленные предприятия – цивилизация уже столь богата, что может себе позволить упрятать свои роботизированные промышленные комплексы под землю. А вот... Ага, наконец-то!

Группа ангелов столпилась возле стола, на котором стоит ванночка с темной жидкостью, над столом склонилась тарелка антенны СВЧ. Первые нанороботы производят сами себя. Ванночка совсем маленькая, но само это открытие не просто громадно – безмерно. Вот сейчас, только сейчас и наступает настоящая свобода, свобода и изобилие для всех. И не надо ничего отнимать и делить, ребята.

С этого момента о наемном работнике, согласном работать просто за деньги можно было только мечтать. Да, я ищу работу. А что надо делать? Нет, простите, мне это не интересно. Да при чем тут деньги, не нужны мне ваши деньги,

свои девать некуда...

Отныне миром правили идеи, а деньги... Что ж, деньги стали служанками этих идей.

А на Земле тем временем прогресс тоже не стоял на месте, и армия фараонов уже понемногу начала перевооружаться – бронзовые топоры и копья вместо медных и каменных. Вот только маленькая неприятность – соседние дикие племена, перевооружившиеся немного раньше (когда успели?), все чаще отказывались платить справедливые налоги, давать фараону золото и рабов, а то и зверски убивали работников налоговых органов. Вооруженное сопротивление грабежу и разбою – признак дикости. Цивилизованный гражданин должен жаловаться в соответствующие инстанции.

Вновь мелькают кадры старой хроники. Какая-то лаборатория, и опять свинцовая стенка, перископы... Атомный реактор? Реактор, да не атомный. Кварк-генератор. Здесь идет реакция аннигиляции, здесь обычное вещество – любое! – превращается в чистую, стопроцентную энергию. Даже распад урана по сравнению с этим всего лишь горение сырых дров. Отныне вопрос о возможном недостатке энергии закрыт навсегда.

Новый отрывок древней хроники – на возвышении в огромном зале стоят несколько ангелов обоего пола. Крупным планом смущенное лицо одного еще совсем молодого. Да, вот эти вот скромные, совсем еще молодые ребята раскрыли наконец тайну телепатии. Разобрались в явлении, ко-

торым их сограждане вслепую пользовались тысячи лет.

Еще кадр. Новая группа ангелов на все том же возвышении (Нобелевские премии им тут вручают, никак?). Эти ученые-генетики выяснили, какие именно гены ответственны за телепатические и прочие паранормальные способности.

Последние кадры на ту же тему. Новая группа ученых, и новое открытие. Теперь телепатами будут все поголовно, а не только случайные счастливики. Так началась Эпоха Всеобщей Телепатии, и всякие гнусные мыслишки, ранее безнаказанно роившиеся в головах некоторых отсталых граждан, вдруг оказались у всех на виду. Отныне подлецы могли жить только поодиночке, в глухих лесах, благо фруктов и орехов кругом было уже навалом.

А на экране уже вновь ангелы в зеленом – понятно, врачи. Только на столе на сей раз не бессмысленный зверь – ангел, старый, с морщинистым лицом. Идет первый эксперимент по искусственному омоложению.

Ангелы изначально жили дольше людей, и столетние старики никого тут не изумляли. Но чтобы остаться молодым до ста лет... Нет, это чудо. Ведь это же настоящее чудо!

Дальше – больше. Сто пятьдесят лет жизни – мало. Двести. Маловато будет. Двести пятьдесят. И этого недостаточно? Ну так живите, сколько влезет!

Так был сделан предпоследний шаг к подлинному величию цивилизации – они победили время. Они победили саму смерть, превратив ее в бесправную девку по вызову. Оста-

вался последний шаг...

А на экране уже поднимается к небу громадный серебристый шар первого звездолета. Он так огромен, что виден даже после выхода на орбиту – вон она, серебряная звездочка... Точка зрения рывком перемещается в космос, следящие камеры спутников показывают звездолет крупным планом. Серебряный шар окутывает фиолетовое сияние. Вспышка! И нет ничего. Звездолет ушел к цели.

Все. Вот теперь все. Они победили пространство. Конечно, этот звездолет еще очень несовершенная, громоздкая и опасная в эксплуатации машина. Разумеется, до стационарного телепорта в подвале старого скита на далекой и пока что им неизвестной планете им еще далеко. Но все это уже мелкие, несущественные детали.

В горле у меня пересохло, и я отправился на кухню. Налил воды в высокий стакан, жадно выпил. Подумать только, ведь мы начинали одновременно! Нет, больше – люди на Земле уже многие сотни лет занимались земледелием и скотоводством, в то время как ангелы все еще питались от щедрот матушки-природы. Сотни лет, если не тысячи! Но идея все взять и поделить уже тогда здорово овладела умами многих людей. Мы, вольные и сильные охотники тут с голоду подыхаем, а эти козопасы-землекопы знай трескают свою ячменную кашу с козлятиной! Где справедливость? Надо сделать так. Ночью, как луна скроется...

И вот горят жалкие хижинки первобытных селян, и воль-

ные охотники, сожрав домашнюю живность и запасы зерна, вновь голодают. Но зато хоть раз наелись от пуза. И потом, мы все еще живы, а их кости уже в земле. По крайней мере это справедливо!..

Все тихо в квартире. Ирочка на своем симпозиуме, не буду ее отвлекать. Нечаянная радость крепко спит, должно быть, не переварил еще... Ладно, это обстоятельство надо использовать. Продолжим просмотр.

... Они обнаружили Землю при помощи огромного орбитального телескопа – обычное дело. По спектру определили, что на планете в изобилии имеются вода и свободный кислород, что со стопроцентной уверенностью гарантировало наличие жизни. Вот только какой жизни?

Даже самая богатая и могущественная цивилизация не в состоянии обследовать все обитаемые планеты в радиусе сотен световых лет. Недостаток средств и препирательства с сэнсэями (они уже вышли из тени и из тайных учителей-опекунов стали теперь равноправными партнерами) по поводу того, кому организовывать исследования этой далекой системы, откладывали и откладывали экспедицию.

А на Земле тем временем человечество болело. Да, болело страшной болезнью под названием «рабство», и болезнь распространялась все дальше и дальше. Уже не только проклятый Богом Египет – весь Ближний Восток был охвачен этой болезнью, уже болезнь проникла в Индию, уже очаги этой заразы финикийские купцы развозили по всему Среди-

земноморью... Настоящий господин работать не должен! Работа – удел рабов!

Такой образ мыслей гораздо хуже, чем простая идея «взять и поделить», и «цивилизованные» страны постепенно превращались в ад. Да, в натуральный ад, где жизнь подавляющего большинства людей ничего не стоила, превращенная дьявольскими законами разнообразных Хаммурапи в сплошной кошмар подневольного изнурительного труда, голода, побоев и унижений.

И прогресс в пораженных болезнью странах встал намертво. Пока рабов было немного, и основную массу населения составляли свободные люди, движение еще было – ведь свободному человеку надо кормить семью, изворачиваться, шевелить мозгами. Но когда основной рабочей силой стали рабы... Настоящие господа не работают, ну а рабам на все наплевать. Лишь бы получить миску похлебки. Лишь бы скорее повалиться на пол и уснуть, хоть какое-то время не видеть этого мира.

Презрение к труду. Ненависть к труду. Какой тут может быть прогресс?

И вот на полях проклятого всеми богами Египта замордованные рабы, как и три тысячи лет назад, ковыряют землю деревянной сохой и жнут колосья деревянными серпами с кремневыми вкладышами. Нет, хуже – тогда, тысячи лет назад, их предки были свободными людьми и работали только на себя и своих детей, и кругом расстилалась цветущая

саванна. А сейчас они узники гигантского концлагеря, окруженного морем песков. И не убежать... О боги, скорей бы пришли хоть какие-нибудь враги!

А на экране уже идут кадры, снятые первой экспедицией ангелов, посетившей планету Земля.

... Они вышли из перехода в пяти миллиардах километров от Солнца – такова была точность тогдашних звездолетов. Еще три месяца ушло на подход к планете. Звездолет вышел на очень высокую орбиту, за орбитой Луны – ведь маскировки тогда еще не было, и следовало опасаться обнаружения громоздкого корабля даже при помощи небольших телескопов (отсутствие радиоизлучения с планеты позволяло не опасаться радиолокаторов). К Земле были отправлены крохотные, размером с яблоко, зонды, замаскированные под железные метеориты.

Но все обошлось. Никто не смотрел на небо даже в самые простенькие телескопы, ввиду отсутствия таковых. И вообще, людям в «цивилизованных» странах тогда было не до неба.

На экране проплывают лица участников той экспедиции. Красивые, молодые лица, лица ангелов, уже победивших старость и унизивших саму смерть. Вот только в глазах у всех растерянность и недоумение, а у этой вот золотоволосой – откровенный ужас.

Да, они хорошо готовились к этой экспедиции, в том числе и психологически. Они даже раскопали древние кинохрони-

ки времен Ложных Пророков, вот эти, с пальбой и взрывами. Но то, что показывали им телезонды, отличалось от тех хроник так же, как видеозапись утренника в детском саду, с картонным волком и тремя поросятами, от подлинных документальных съемок эсэсовских операторов в Освенциме.

Заработала установка внепространственной связи. Запросы, отзывы, снова запросы... Экспедиции было решительно отказано в прямых контактах с людьми – это был бы совершенно неоправданный риск. Только дистанционное изучение! Но уже тогда в их обществе зрело решение – людям надо помочь...

* * *

«Ау, любимый! Ты где?»

Меня обдаёт её теплом.

«Я дома. Выполняю домашнее задание. А ты как?»

«А я лечу в твои объятия. Кстати, поздравь меня с победой. Все нытики и маловеры обращены в бегство»

«Поздравляю. Убитых нет?»

Бесплотный шелестящий смех.

«Пока нет. Правда, есть тут двое... Нет, я далека от мыслей об убийстве, но небольшие телесные повреждения им бы не помешали. Чисто для ума, как говаривал Коля-Хруст»

«Покажи мне их. Я, конечно, не Коля-Хруст, но небольшие телесные постараюсь обеспечить»

Снова шелестящий смех.

«Ладно, мой хороший. Лучше я добыю их морально. Все, Рома, кокон снижается, жди!»

Сильный толчок. Нечаянная радость, как обычно, с размаху сел мне на макушку. И когда проснулся? Непохоже, что он собирается менять свои привычки. А когда в нем будет три кило... Надо начинать тренировать шейные мышцы, вот что.

* * *

– ... Хозяевам дома мира и процветания!

Беловолосое очаровательное создание, вихрем ворвавшееся в наше жилище, уже складывает крылья за спиной. Нечаянная радость, прервав процесс питания, таращится на пришелицу.

– Познакомься, это моя племяншка, – смеется Ирочка, целуя и обнимая прибывшую. – Ее зовут (певучее слово) Взлетающая в зенит.

– Можно коротко – Кеа, – вставляет племянница. – Я рада видеть тебя, живая легенда будущего. Вообще-то я специально напросилась, чтобы пообщаться с живым биоморфом, вот.

Нахальная, похоже, девица. Нет особого почтения к старшим...

– А чего не так? Ах, да... – девушка ловко опускается на

одно колено, встает – Теперь нормально?

«Вообще-то она старше меня на двадцать три наших года. По земному счету как раз на четверть века» – глаза Ирочки смеются.

Я поперхнулся, закашлялся. Нет, никак не могу привыкнуть. Трехсотлетние прабабушки, выглядящие чуть ли не моложе своих правнучек. Племянницы, старше тетки на четверть века...

Обе дамы смеются, весело и беззлобно, и я смеюсь вместе с ними. Ангелы – народ легкий...

– Ого, вы завели летучую соню, – Кеа мягко и неуловимо-профессионально берет Нечаянную радость в руки. Зверек сопит, но от активного сопротивления решает пока воздержаться. – Ух ты милашка... У кого взяли?

– Мы нашли его в лесу, представляешь? – Ирочка расставляет посуду на столе – Потерялся. Его зовут Нечаянная радость.

– Красивое имя. А почему его?

– Не поняла...

– Ну это же девочка.

Ирочка секунду переваривает сообщение.

– Ты уверена?

Кеа звонко хохочет.

– Ну, тетя, ты даешь! Абсолютно уверена, как и в том, что твой муж – мальчик. Видишь ли, у мужчин имеются некоторые отличительные признаки...

– Не продолжай, – Ирочка смеется. – Действительно, я не сообразила взглянуть.

Нечаянная радость, которого... нет, теперь уже которую внезапная перемена пола нимало не трогала, возобновила процесс питания, прерванный неожиданным появлением гостя.

– Садись, будем пить чай.

Я усмехаюсь. Да, у ангелов тоже существует такой обычай. Вот только чай здешний сплошь зеленый, и притом чуть горчит. Его варят из листьев одного местного дерева. А впрочем, тутошние плодовые джунгли столь богаты и разнообразны, что я не удивлюсь, если здесь найдется и кофе с какао...

– Да я... Слушай, тетя Иолла, я же за вами. Полетели? И ты, дядя Ди. Папа с мамой ждут.

«Ну вот и тебя укоротили» – в глазах Ирочки пляшет смех. Хм... Дядя Ди... И не похоже вовсе.

– Как это ждут? Погоди... А почему я об этом не знаю?

– Ну вот уже знаешь. Полетели?

Она вдруг смотрит на меня.

– Тебе неприятно, что я назвала тебя дядей Ди?

– Нет, почему же. Не ты, так другие. Не всю же жизнь вставать передо мной на колени. Но ты можешь звать меня Рома. Если тебе нетрудно, конечно.

– Да пожалуйста. Ро-ма... – она словно пробует слово на вкус. – Слушай, это же еще лучше! Ну, дядя Ро-ма, полетели?..

– А я работаю во-он в том секторе, – Кеа тычет пальцами в куда-то сторону циклона, спиралью свернувшегося слева. – Такой запущенный сектор – ужас! Садовников одних не хватает голов пятьсот, не меньше...

Я уже успел усвоить, что Ирочкина племянница работает садоводом-смотрителем в одном из бесчисленных секторов, на которые поделены все четыреста пятьдесят миллионов квадратных километров здешней суши. Сельская труженица, если использовать земные термины эпохи разлагающегося социализма. Работой своей очень довольна, потому что любит лес и зверей.

– Они у меня работают, как звери, – смеется Кеа. – Вы же все по ночам дрыхнете напропалую, и не знаете, что тут творится. Вы оба как-нибудь ночуйте в лесу! Только и слышно – шур-шур-шур... хрум-хрум-хрум... Это мои зверюшки безжалостно отгрызают все лишнее, – она снова смеется, Ирочка помогает ей, и я смеюсь за компанию.

Транспортный кокон летит в северную полярную зону. Приполярную, если быть точным. Собственно полярной является зона диаметром около шестисот километров вокруг полюса, где солнце никогда не заходит. Да, ведь ось планеты практически не имеет наклона, и благодаря рефракции плотной атмосферы солнышко имеет возможность освещать

обе макушки Рая – и северную, и южную – постоянно. Так и ходит светило над горизонтом кругами. Климат на полюсах прохладнее, чем в более низких широтах, хотя благодаря могучим теплым течениям температура и тут не опускается ниже восемнадцати-двадцати градусов, если считать по Цельсию. Это курортные зоны, и жилье там стоит очень дорого. А чуть подальше от полюса находятся приполярные зоны, где солнце уже ныряет за горизонт, но заря не угасает от заката до рассвета. Сейчас я увижу это чудо.

– ...А недавно вообще – вместо заказанных садовников из генной лаборатории прислали партию диких плодоежов, приготовленных для заповедника. Перепутали, олухи! Сто голов, представляете? Ох и намучилась я с ними. Жрут все подряд, вместо того, что надо, да еще визжат ночами, как ошпаренные. И главное, днем их не отличишь от садовников – тихонькие, смирные, свернутся себе и дрыхнут. А как стемнеет – опять за свое... Ну не работа-охотника же вызывать! Он бы, железака бездушная, привел мой сектор в полное запустение. И зверюшки невинные пострадали бы. Ну, я к друзьям-подружкам – выручайте, пропадаю как профессионал! И мы ночью, с фонариками, с мешками... Все же хорошо, что они так орут. Если бы еще молчали – сроду бы их не выловить...

Я уже достаточно продвинулся в чтении мыслей и чувств, и все понимаю. Кеа развлекает главным образом меня. Конечно, ей страшно хочется меня расспрашивать, но она тер-

пит. Во-первых, дает мне время освоиться. И во-вторых, чтобы не заставлять меня повторяться – все равно сейчас, за столом, из меня вытянут массу интересного. Нет, деликатная девушка...

– Замуж тебе надо, Кеа, – вдруг ляпаю я. И откуда что берется?

Девушка разом погрузнела.

– Надо... Но не за кого.

– Не обращай на меня внимание, Кеа, – я опять полон раскаяния. – Это я сдуру.

«Это на Земле слабоумие освобождает от ответственности. У нас нет» – глаза Ирочки совершенно серьезные.

Вот как... Выходит, даже самая высокоразвитая цивилизация не гарантирует своим гражданам счастья?

«Гарантирует. Но как трудно бывает ждать свою судьбу!»

– Послушай, племяшка, – моя жена ласково берет девушку за руку, гладит. – А может, ты придираешься, а? Небольшие зазоры на диаграмме еще не говорят...

– Во-от такие зазоры! – Кеа показывает руками. – Нет, тетя Иолла, моя судьба, видать, еще впереди. Кстати, уж тебе-то вообще следует молчать. Ты за своей судьбой на чужую планету забралась!

Она вновь развеселилась.

– Нет, точно, пойду-ка я в миссионеры! Дядя Рома, у вас там как насчет женихов? Много еще желающих стать биоморфами?

– Ага, наконец-то!

Проем в жилище Ирочкиного брата зачем-то затянут почти по грудь необычными перилами из густой сетки. Правда, при нашем приближении перила слегка опустились, позволяя без помех влететь в комнату, но тут же поднялись снова.

Ирочкин брат, которого я уже помимо своей воли зову Федей, обнимает сестру и одновременно хлопает меня по спине развернутым крылом, так что от неожиданности я чуть не падаю.

– Проходите, гости желанные, чай кипит, варенье сохнет...

– Не заговаривай мне зубы, – смеется Ирочка. – Показывай.

Жена братца Феди, Полуночная заря, а коротко – Лоа, уже несет на руках младенца. Впервые в жизни я вижу ангельского младенца.

– Познакомьтесь. Смотрящий из поднебесья, но пока что можно просто Уэф. Он не обижается.

Ирочка берет младенца на руки, и становится видно, что на спине у малыша уже вздулись изрядные бугорки. Зачатки крыльев. А хвостик?

– А хвостика уже нету, – смеется мать, уловив мою мысль, – мы уже большие! Мы уже и титьку бросили, вот, –

она естественно и бесстыдно щелкает себя по соску, уже почти принявшему прежний размер.

– У него уже зубки, – улыбается Кеа. – Так что будьте на чеку.

Все смеются, и я тоже. Легко мне с ними, вот что.

– Можно?

Я осторожно беру малыша на руки. Да не такой уж маленький...

– Так ведь ему скоро год, – смеется Ирочка. – Ну молодцы. Папа был вне себя от восторга. Внук, не шутка!

– А внучка, значит, так себе? – возмущенно фыркает Кеа.

– Внучка – пройденный этап. Наверное, в свое время тобой восторгались не меньше, племяшка.

Крохотный ангелочек между тем, тараща глазенки ярко-синего цвета, тянет мой палец в рот.

– Осторожно!

Я завертел головой. Что? Где? Откуда этой крохе угрожает опасность?

Резкая боль пронзает палец. Ай!

Мать мягко, но решительно отнимает мой палец у маленького Уэфа и маленького Уэфа у большого глупого дяди. Я смотрю на указательный палец – кровь.

Вот никому бы не поверил, что маленькие ангелочки так больно кусаются...

– ... Нет, погоди, я не поняла. Зачем бетоном-то заливают? Да, и этим... асфальтом, да. Зачем это надо? Почему все эти ваши машины не могут передвигаться прямо по грунту?

Лоа, невысокая женщина с мягким, каким-то уютным (у нас бы на Земле сказали – домашним) обликом, странным образом сочетающем в себе хрупкость и округлость, никак не может уяснить принципы организации автомобильного транспорта. Она работает в управлении грузопассажирских перевозок, заведует вот теми самыми транспортными коконами. Это вообще довольно редко встречается – муж, жена и дочь имеют совершенно разные профессии.

– Вообще-то могут, – я солидно отвечаю на поставленный вопрос. – Но видишь, какое дело: при передвижении по мягкому грунту автомобили нарушают почвенный покров...

– Да почему нарушают-то?

– Высокое удельное давление на грунт... – уже беспомощно лепечу я.

– А что мешает сделать его низким?

Я набираю в грудь воздуха... и выпускаю. Действительно, что мешает? Есть гусеницы, сколь угодно широкие. Есть колеса-пневматики. Есть воздушная подушка... Что мешает? Да человеческая косность мешает. Больше ничего.

– Ты еще не знаешь, Лоа, что такое железная дорога, –

встревает моя жена. – Только представь: длинная-предлинная насыпь, от горизонта до горизонта, поверх нее почти сплошь настланы поперечные деревянные брусья, а поверх этих брусьев положены в два ряда стальные продольные брусья сложного профиля. Да что там... – она щелкает пальцами, вспыхивает виртуальный дисплей. – Смотрите!

На объемном экране движется поезд во всей красе – рычащий тепловоз, окутанный сизым дымом выхлопа, тянет длинный состав, груженный углем. Лязг, грохот, выгибаются под тяжестью рельсы...

– Ужас! – Лоа потрясенно смотрит на чудовищное порождение извращенного человеческого ума. – Так возят у вас все грузы? Вот в этих корытах?

– Да если бы только грузы... – окончательно наводит ужас моя супруга. – Они и сами так путешествуют. Залазят внутрь вот таких корыт и едут. Причем не туда, куда им надо, а туда, куда едет связка корыт.

– Это не совсем так. Корыта для людей закрытые, и с окошками, и едут они приблизительно в нужную сторону, – заступаюсь я за родную цивилизацию, и мне самому смешно.

– Да ну вас, в самом деле, – смеется и Лоа. – Давайте лучше пить чай...

Маленький Уэф уже давно спит у себя в детской. Мы сидим на краю полукруглой выступающей веранды. Над нами – зеркальная поверхность громадного «блина» висячего жилого комплекса. Сама жилая секция висит под днищем «бли-

на» на длинном тросе, и весь комплекс напоминает люстру с висюльками. Солнце уже скрылось, и огненное зарево медленно перемещается по горизонту, бледная радуга отмечает положение светила. Красиво!

* * *

– ... Нет, ты не понимаешь. Нет у тебя достаточной теоретической подготовки, ты уж не обижайся.

– Я и не обижаюсь. Но все-таки – что это дает в практическом смысле?

Фью пытливо смотрит на меня, чуть наклонив голову на бок – не придуриваюсь ли я? Нет, это я серьезно...

– Федя, ну я же темный абориген с отсталой планеты. Ну откуда мне могут быть известны свойства этой самой сингулярности, сам посуди? Мы там в железных корытах ездим...

Все звонко хохочут, и я смеюсь.

– Тогда так. Тебе известно, что наша Вселенная создана Создателем из первичной сингулярности путем изменения ее параметров?

Я вспоминаю. Да, все верно...

– Мне Ирочка говорила об этом, а я всегда верю своей жене.

Снова смех.

– Так вот. Если удастся разгадать, как он это сделал... Мы сами сможем создавать новые Вселенные. Не сразу, конечно.

Я потрясенно смотрю на Фью. Придуривается? Да нет, он это всерьез.

— Вот уже сотни тысяч лет мы идем по пути от мохнатого крылана до Хозяина Вселенной. И мы уже видим конец этого пути.

Ирочка протягивает руку и закрывает мою отвисшую челюсть. Все снова смеются.

Ну ни хрена себе братец у моей жены! В хозяева Вселенной метит... А как же я?

На этот раз все валятся от хохота.

Глава 3

Не все так просто

– Ну как, справился с домашним заданием? – спрашивает меня Биан.

– Да... вроде да, – я немного робею перед начальством.

– Вопросы есть?

– Вроде нет пока.

– Значит, не справился ты с заданием. Эти материалы тебе давали как раз для того, чтобы ты начал думать. А когда думаешь, всегда возникают вопросы.

– Я понял. Только вопросов у меня все равно нету. Все и так ясно.

– Что именно ясно?

– Что люди все дураки.

Все смеются.

– Сказал, что думал, извините. А как еще назвать хроническую умственную недостаточность? Тысячи лет гнобить друг друга, пьрять копьями и заставлять пленных копать канавы и громоздить глыбы камня, вместо того, чтобы развиваться – дураки и есть.

– Понятно. Но неверно. Вот взять, к примеру, тебя самого – разве ты дурак?

Я в растерянности. Вот так вот взять и признаться? Гово-

рят, чистосердечное признание облегчает...

Хохот. Смеется вся группа.

– Самокритика тоже в норме, это хорошо. Но речь не об этом. Представь – ты оказался в Древнем Египте времен фараонов. Ну и что бы ты делал? Да то же, что и все кругом – либо сам копал бы канавы, либо палкой заставлял бы других. Бытие определяет сознание, и только очень немногие могут разорвать это кольцо, как это сделал древний принц Сиддхартха Гаутама. Так что ты несправедлив – люди вовсе не дураки. Да, среди людей имеется немало особей с генетическими дефектами, затрудняющими усвоение и переработку информации, но в целом люди не менее разумны, чем ангелы, или сэнсэи, или твои горячо любимые «зеленые». Неразвиты, это другое дело.

Биан поворачивается к моему наставнику.

– Уот, так не пойдет. Ты не очень загружен сейчас, потрать один день на коллегу.

– Будет исполнено, мой повелитель!

– Приятно слышать. Все, работайте!

* * *

Горячее солнце уже раскалило джунгли, но здесь, на берегу лесного озера с тремя островками посередине от воды веет прохладой. Я и мой наставник лежим на бережку, в тени, рядом на расстеленной белой скатерке навалена горка фрук-

тов и орехов. Уот вполне разумно решил совместить полезное с приятным. Какой смысл сидеть в сумраке огромных холлов? Спецоборудования нам сейчас не требуется, а виртуальный дисплей прекрасно работает и здесь.

Уот вертит в пальцах тонкий серебряный стержень, здешний вроде бы карандаш. Я уже заметил за ним такую привычку. Даже сюда взял с собой. А вот у папы Уэфа для размышления были четки...

— ... Мы с ними — абсолютные антиподы. Ангелы не могут жить в таком мире. А «зеленые»... Нет, рядовые «зеленые» не прочь бы жить среди роскошных садов, где все кругом бесплатно. Да если бы при этом еще иметь кучу безропотных рабов... Вот в этом и есть корень зла. Плох тот солдат, что не мечтает стать генералом. Плох тот подчиненный, что не мечтает стать начальником. И нет такого раба, который не мечтал бы стать господином. Именно на этом и зиждется вся их гигантская пирамида рабов — на жажде власти. Тех, кто отказывается играть по установленным правилам, участвовать в непрерывной конкурентной гонке, ждет участь раба или гибель. Таким образом у них и идет непрерывная селекция карьеристов и негодяев.

У нас тут необузданное властолюбие считается тяжким психическим расстройством, к счастью, весьма редким. Несчастливым стараются помочь, лечат. Исследуют генетические истоки болезни, стараются их устранить. Если же больной отказывается от лечения — а иногда случается и такое

– ему все равно не удастся осуществить свои притязания. Его же все видят насквозь, он не найдет себе пары, с ним никто не согласится работать. Его удел – прозябание в одиночестве. Так общество избавляется от дефектных особей, так идет социальный отбор. У них же все наоборот – любой, не мечтающий продвинуться по службе, считается законченным идиотом.

Ты знаешь, как из диких животных получились домашние? Брали детенышей и воспитывали их так, чтобы животное не умело самостоятельно добывать корм. А дальше все просто. Хочешь есть – подчиняйся хозяину. И слуг получают точно так же – прежде всего надо лишить разумное существо средств к существованию, плюс воспитывать в послушании.

Так что не нужны «зеленым» бескрайние райские сады. Как при таких условиях владыки смогут контролировать подчиненных? То ли дело синтетическая каша – тут всегда можно наладить строгий учет и контроль распределения. И еда, и одежда, и жилье, и прочие блага распределяются согласно занимаемой должности.

Но мы отвлеклись. В прошлый раз тебе была выдана подборка материалов по истории Рая. На сегодня я приготовил материалы по началу нашей деятельности на Земле. Вообще-то я хотел дать тебе их для самостоятельного изучения, но шеф повелел, и мы будем смотреть вместе. А ты будешь задавать вопросы.

Вспыхивает в воздухе объемный экран.

Царский дворец рода Гаутамов, казалось, имел немало укромных мест, пригодных для размышления, однако молодой принц Сиддхартха не любил дворцовых покоев. За каждой занавеской, за каждой колонной таились слуги, раболепные и подобоострастные с виду, но внутри у каждого таилось недоброе. Весь царский дворец, казалось, состоял из одних глаз и ушей. Да, с некоторых пор принц Сиддхартха чувствовал чужие эмоции, и оттого жить ему становилось все тяжелее.

Он с раннего детства рос очень чутким, впечатлительным ребенком, и отец, оберегая мальчика, строго-настрого велел слугам всегда улыбаться и ни при каких обстоятельствах не повышать голоса, тем более не произносить грубых слов. Он даже продал работорговцам всех старых, больных и некрасивых рабов, чтобы маленького принца всегда окружали только одни красивые, радостные лица. Да, на какие убытки не пойдешь ради родного, притом любимого сына...

Вот и сегодня принц сумраку дворцовых покоев предпочел уединение среди тенистых ветвей огромного сада, вплотную примыкающему ко дворцу. Двое телохранителей, неотлучно следовавших за принцем в отдалении, спрятались в тени, стараясь выглядеть незаметными. Сиддхартхе стало вдруг смешно – с таким же успехом боевой слон мог укрыть-

ся на рисовом поле. Отблески панцирей и шлемов солнечными зайчиками прыгали среди ветвей. Ладно... Но почему сегодня так беспокойно на душе? Все внутри трепещет, будто в ожидании чего-то...

Шумно захлопала крыльями невидимая среди ветвей птица. Принц даже повернул голову – большая птица, откуда? Но все стихло, опять погрузившись в знойную слепополу-денную дрему.

... Она появилась среди деревьев, как видение, ступая легко и неслышно. Белая, очень белая кожа, белее, чем у де-вушек-рабынь с далекого севера, золотые кудрявые волосы, лежащие на плечи, искрились в свете солнечных лучей, вспыхивали и гасли, когда она снова вступала в тень. Девочка была совершенно обнаженная и босая, только на плечи едва накинута какая-то белая тряпка. На вид девочке было лет десять.

– Здравствуй, принц Сиддхартха.

Бездонные, густо-синие глаза смотрят прямо. Сияющая, затягивающая бездна...

– Кто ты? – от волнения у принца разом пересохло во рту, и слова произносились невнятно. – Я не знаю тебя...

– Меня зовут Прячущаяся в ветвях, если по-вашему, но ты можешь звать меня коротко – Юайя.

Юайя... Прячущаяся в ветвях... Как красиво...

– Я прибыла к тебе с неба.

И только тут принц заметил, что на плечах у нее вовсе не

белая тряпка. За спиной девочки были сложены белоснежные крылья, отливавшие радугой, когда на них падал прямой солнечный свет. Он в испуге повел взглядом в кусты, где притаились охранники.

– Не беспокойся, я их усыпила. Они будут спать столько, сколько потребуется, так что нам никто не помешает.

Ее глаза смотрят прямо в душу.

– Что ты знаешь о жизни, принц Сиддхартха?..

* * *

– ... Да пойми, сынок – так устроен мир. Все эти люди существуют именно для того, чтобы горсть избранных могла жить так, как хочет, в достатке и сытости...

– И даже в безмерной роскоши.

– Да! Да, если человек может себе это позволить! Мы – цветы этой жизни. Разве корни дерева, ствол, ветви и листья – разве все это не для того, чтобы дерево могло цвести?

– Они не корни и не ветки. Они люди, отец. Такие же, как мы с тобой.

Раджа Гаутама стоял, отвернувшись к окну. Сильный человек ничем не выдает свои чувства.

– И все же я не понимаю, откуда ты всего этого нахватался. У нас во дворце ничего подобного...

– Мир не ограничен стенами дворца, отец.

Старый раджа повернулся к сыну.

– Смирись, сынок. Этот мир устроен так. Именно так, а не иначе, и тебе не удастся изменить его. Все, что ты сможешь – это разрушить собственную жизнь.

– Это не имеет значения, отец. Если этот мир в основе своей несправедлив, значения не имеет абсолютно ничего. Прости, что огорчаю тебя. Я не могу смириться.

Раджа тяжело оперся на подоконник, прижав руку к сердцу.

– Ладно. Я вижу, наш разговор ни к чему хорошему не привел. Ты волен разрушить свою жизнь, но позволить тебе разрушить все наше царство я не могу – соседи только и ждут этого. Я хотел видеть тебя наследником, но раз так... Да, ты мой любимый сын, но, к счастью, не единственный. Мне очень неприятно говорить тебе это, сынок.

– Прости, отец.

Принц Сиддхартха молча пошел к выходу. Обернулся в дверях.

– Я изменю этот мир, отец. Можешь не сомневаться.

* * *

– ... Ну вот и все, моя золотоволосая. Скажи, я выполнил свое обещание, данное тогда, в саду?

Веранда дома давала тень, легкий ветерок – прохладу. Смачно сопела внезапно уснувшая служанка.

Старик, убеленный сединой, держал за руку тоненькую

золотоволосую девочку, совсем не изменившуюся за эти долгие десятилетия. Ангелы не стареют.

– Ты сделал даже больше, чем мы могли ожидать. Ты смог. Ты изменил этот мир, принц Сиддхартха.

Старик засмеялся, закашлялся. С трудом восстановил дыхание.

– Мой нынешний круг заканчивается, Прячущаяся в ветвях. Как жаль, что я не увижу тебя больше.

«Юайя, у нас все готово. Катер уже в стратосфере»

Девочка прислушивается, встряхивает кудряшками.

– Нет, мой принц. Ты думаешь, после всего, что у нас с тобой было, я позволю тебе вот так просто взять и умереть?

– Ты опять что-то задумала, моя родная? Значит, я еще нужен вам?

– Ты нужен мне. Мне лично.

В голове старика возникает тонкий, зудящий звук. На утоптанную площадку перед верандой, на которой происходит разговор, опускается чечевица, сверкающая серебром.

– Ты сделал все, что мог, в этой жизни. Тебе пора начинать следующую. Я предлагаю тебе стать одним из нас. Стать ангелом, принц Сиддхартха.

Принц Сиддхартха, которого уже давно в глаза и за глаза почти все зовут Буддой, изумленно смотрит то на чечевицу планетарного катера, то на свою собеседницу.

– Я же старик...

– Ты больше не будешь стариком. Ты будешь как я. Со-

глашайся же, милый!

Старый Будда встает, кряхтя.

– Я ни в чем и никогда не мог тебе отказать, моя золотоволосая, ты же знаешь... А что я буду делать у вас, на небе?

– Будущее покажет, – смеется девочка. – Но для начала... Ты возьмешь меня замуж, разве нет? Ты ведь не откажешь своей золотоволосой в такой малости, мой старый Сиддхартха?

Они оба смеются. Старик и девочка идут к аппарату, и на встречу им опускается пандус люка. Они скрываются внутри, пандус поднимается, и небесная колесница начинает подниматься.

«Муляж! Муляж забыли!»

Аппарат снова плюхается на землю, люк открывается, и оттуда резво выбегают некие устройства, напоминающие пылесосы с несколькими шлангами. В гофрированных щупальцах «пылесосов» покоится муляж великого Будды, покинувшего этот мир. Его кладут на веранде, точно на то место, где только что шла беседа старика с золотоволосой крылатой девочкой. Еще пара секунд, и катер снова взлетает в небо.

Все стихло. Завозилась во дворе проснувшаяся служанка. Муляж, конечно, исполнен мастерски – никакой патологоанатом не отличит от натурального трупа. На лице муляжа даже застыла тихая, умиротворенная улыбка.

* * *

— Это был наш первый крупный успех, — Уот вертит в руках свой серебряный карандашик. — Да, конечно, совсем разрушить рабовладельческий строй, уже сложившийся к тому времени в Индии, принц Сиддхартха и его последователи сразу не смогли, и в этом нет его вины. Но мы убедились — развитие человечества вполне можно изменять в лучшую сторону, используя метод точечного воздействия. Ободренные успехом, наши миссионеры начали искать следующий объект для точечного воздействия, причем такой, который мог бы глобально изменить весь ход земной истории. Правда, этого пришлось ждать целых двести лет...

Снова вспыхивает экран виртуального дисплея. Следующий сюжет...

* * *

Вековые сосны шумели под порывами верхового ветра, на лицо Александра упала сухая хвоинка, прилипнув к разгоряченной скачкой коже. Александр смахнул ее, не глядя, но ощущение раздражающего постороннего прикосновения к коже не исчезло. Он крепко потер лицо руками — без толку. Ладно, пес с ним...

Александр соскочил с коня, еще раз огляделся вокруг. Хорошее место. Таких древних лесов в здешних персидских горах уже почти не осталось. Этот лес тоже давно пал бы под топорами, если бы здесь не стояла охотничья резиденция персидских царей. Вот уже триста лет рубить эти деревья запрещено под страхом смерти.

Он привязал повод коня к дереву. Охраны видно не было, но Александр был уверен – сюда не прошмыгнет и мышь. Никто не помешает его встрече с посланником богов. Сесть тут негде, стало быть, разговор будет недолгим. Ну что же...

Александр вытащил из-за пазухи амулет – маленький блестящий камушек, оправленный в серебро, на серебряной же цепочке. Гладкая круглая фасолка, удобная для того, чтобы вставить в ухо. Волшебная штучка, ничего не скажешь. С ее помощью можно слышать голоса посланников богов – достаточно сжать амулет пальцами, затем вставить в ухо – и пожалуйста... Сам Александр мог при этом отвечать не только вслух, но и про себя, не разжимая губ, что бывало порой очень удобно. Когда же посланцы богов сами желали говорить с Александром, амулет начинал мелко дрожать, зудя кожу, так что окружающие ничего не замечали. Этот амулет подарил ему крылатый посланник богов еще тогда, когда он был шестнадцатилетним быстроглазым мальчишкой. Да, точно, это было в горах, в Пелле. И даже сосны вот так же шумели над головой...

В тот день его отец, македонский царь Филипп, был силь-

но не в духе — во-первых, маялся после вчерашнего, а во-вторых, все никак не мог разобраться со своими девятью законными женами и массой рабынь, деливших с ним ложе. В такие часы дворцовая челядь избегала без крайней нужды попадаться на глаза своему господину — Филипп был тяжел на руку и скор на расправу. Вот и тогда он зверски избил свою жену Олимпиаду, придравшись к какому-то пустяку. Александр не стерпел и заступился за мать, и даже сейчас, спустя пару часов, половина лица горела от хлесткой отцовской оплеухи.

Он скакал не меньше часа, пока не забрался в дикие горы, подальше от людей. И вот уже добрый час сидел на камне, пытаясь успокоиться. Почему, ну почему этот мир так жесток и несправедлив? Сильные бьют слабых, богатые обижают бедных, часто отнимая последнее. И ненависть, злоба и ненависть, ненависть и предательство... Даже великая любовь в этом мире зачастую непонятным образом превращается в свою противоположность, лютую ненависть. Неужели такое устройство мира есть единственно правильное?

Вот тогда он и возник впервые, крылатый посланник богов. Сильный порыв ветра взвихрил на поляне мелкий лесной мусор, будто захлопала крыльями большая птица. Воздух перед ошеломленным юношей вскипел, запузырился, и из ничего возник хрупкий крылатый мальчуган, босой и голый. Вот только за спиной у него были огромные крылья с бело-радужными перьями. Его огромные голубые глаза гля-

дели прямо в душу. Тогда они разговаривали долго, почти до заката.

«...Ты сделаешь это?»

Юный Александр встал во весь рост.

«Я сделаю это!»

... Да, они еще не раз помогали ему, эти крылатые существа. Правда, с годами все реже и реже. А может, Александр, уже ставший Великим, теперь просто не нуждался в их помощи? Последний раз они помогли ему, когда тяжелая стрела из дальнобойного индийского лука пробила доспехи, это было во время индийского похода, начатого так славно и так плохо закончившегося. Да, тогда они спасли его от неминуемой смерти...

Сильный порыв ветра, конь Александра всхрапнул. Будто захлопала крыльями громадная птица. Воздух в шести шагах будто вскипел, запузырился, и вот из ничего перед Александром Великим возник ангел.

– Приветствую тебя, Смотрящий из поднебесья.

Ангел стоял молча, прямо глядя на него своими пронзительными голубыми глазами, проникающими прямо в душу. Александр поморщился. Когда-то он выдерживал этот взгляд спокойно и бестрепетно, но в последнее время он все более раздражал его.

– Что ты намерен делать дальше? – спросил ангел, избегая приветствия. Александр снова сдержал раздражение. В конце концов, он властелин полумира... Ладно.

– Мне кажется, ты чем-то недоволен, мой крылатый друг и учитель, – Александр чуть усмехнулся. – По-моему, я сделал больше, чем может сделать смертный. Я сокрушил Империю Зла, как ты называешь персидскую державу. Я дошел до Индии, и не моя вина, что мне пришлось уйти оттуда!

– А разве что-то изменилось? Вместо царя Дария на троне сидит царь Александр, вместо персидских сатрапов – его наместники-греки. Все остальное осталось по-прежнему. Империя Зла осталась незыблема, просто сменился владыка.

Александр уже еле сдерживал раздражение. Все ноет, ноет... Да кто он такой, в конце концов, чтобы так разговаривать с Александром Великим? Срам бы прикрыл!

– Великие дела не делаются в одночасье, ты должен понимать такие вещи. Любая дорога требует времени.

– Любая дорога начинается с первого шага. Когда ты сделаешь этот шаг?

Опять...

– Я не могу издать такого указа. Это было бы безумием. Такой указ все равно останется на пергаменте. Пойми, это невозможно. Кто будет обрабатывать поля, копать каналы, чинить дороги – да мало ли?..

– Люди. Свободные люди. За плату, разумеется.

Александр поморщился. Тоже мне, философ, посланник богов... Ни хрена не соображает в экономике, а туда же, учитель...

– Это сколько же надо денег? Таких денег ни у кого нет. И

получится вот что. Поля зарастут сорняками, оросительные каналы заилятся, мосты обветшают и обрушатся. Все придет в упадок. Толпы бывших рабов будут убивать и грабить, чтобы прокормиться, но и это им не удастся. Этот мир рухнет. Все современное хозяйство держится на труде миллионов рабов. Да, со временем, постепенно...

– А как же гомонойя? Равенство людей?

– А разве я не установил это равенство? – Александр уже не скрывал раздражения. – Разве иноземцы не пользуются в моих владениях теми же правами, что и эллины?

– Да, купцы и олигархи. Мы говорили о рабах.

– Раб человеком не является, – услышал свой голос Александр как бы со стороны.

Лицо ангела, до той поры бесстрастно-спокойное, исказила гримаса презрения и гнева.

– Предатель! Мелкий гаденыш!

Сильнейший гнев пронзил Александра. Рука схватилась за рукоять индийского булатного меча. Свет внезапно померк перед взором великого владыки и завоевателя, и он провалился в темноту...

Ангел несколько мгновений стоял неподвижно, изо всей силы сжимая маленький острый кулачок, и на побелевшем от напряжения пальце блестел непонятный камушек дешевого серебряного перстня.

Подойдя к валяющемуся без сознания Александру, ангел наклонился и одним точным движением сорвал с лежавшего

амулет, порвав цепочку.

– Тебе он больше не нужен. Конец связи!

Воздух будто вскипел, сильнейший порыв ветра взмел мелкий мусор, и на поляне заповедного царского леса остались лежать только Александр Македонский. Некоторое время он лежал неподвижно, затем завопил, приходя в себя. Сел, огляделся. Никого нет. Охрана четко выполняет приказ – не беспокоить своего владыку.

Рука скользнула к шее, пытаясь нащупать несуществующую цепочку. Амулета тоже нет. Ладно... Проживем.

Голова была пустой и ясной, и даже не болела. Обморок, это просто обморок...

Но отчего-то очень хотелось плакать.

* * *

– Это был провал, тяжелый провал. Мы потеряли уникальную возможность из-за одного предателя. И гипноз тут был бесполезен, великие дела не делаются под гипнозом. Если бы та операция удалась... Вероятно, сейчас мы разговаривали бы уже как равноправные партнеры.

Уот снова вертит в пальцах свой карандашик. Так и мелькает...

– Неудача была тем обиднее, что никакие «зеленые» нам тогда не мешали. Да, они уже взяли человечество на заметку, но ограничивались поверхностным наблюдением при по-

мощи скрытых зондов и аппаратов, установленных на Земле и Луне одним-единственным кораблем-разведчиком. Они не собирались тратить время и средства на недозрелых дикарей – пусть выпутываются, как знают. Вот если выпутаются... Вот когда плод начнет созревать... У них вообще это принято, являться к накрытому столу, ничего не вложив. Ну или потратив самую малость. Кажется, на твоей прародине это называется «халява»?

Да, есть такое понятие.

– Но неудача не обескуражила наших миссионеров. Они искали и нашли. Следующую попытку переломить хребет системе сделал некий Спартак, сам бывший раб. Мы нашли его совершенно случайно, но когда присмотрелись... Этот человек безусловно мог изменить мир.

А на экране уже следующий сюжет...

* * *

Грязные, липкие стены, липкая грязь на полу, и все тут липкое и грязное, в этом проклятом городе – дома, одежда, золото, женщины... Этот город насквозь провонял мертвиной и прокисшей кровью, точно громадная бойня... Да, Рим по сути своей есть громадная бойня.

Факел на стене трещит, колеблется под порывами ветра. Откуда ветер в этом мрачном дворе-колодце?

Мускулистый мужчина средних лет, одетый в поношен-

ную, но чистую тунику, встает со своего грубо сколоченного топчана, подходит к решетке. Все тихо. Спит стража, и даже стоны и бормотание товарищей-гладиаторов, бредящих в своем тяжелом сне, затихли.

Мужчина отходит от решетки, ложится на топчан. У изголовья стоит низенький столик, на столике кувшины с водой и вином, фрукты... Гладиаторов в школе Лентула Батията вообще неплохо кормят. Вот только на ночь запирают поодиночке, боятся. Мужчина усмехается. Все верно – гладиаторов стоит бояться. Люди, которым нечего терять, кроме цепей, да еще прекрасно владеющие оружием...

Решетка распаивается со страшным скрипом. Их тут специально не смазывают, эти решетки... На пороге появляется хрупкая девочка лет девяти-десяти, совершенно голая. Понятно, рабыня-проститутка, в таком-то возрасте. Мужчина скрипит зубами. Эти звери способны на все.

За спиной малолетней проститутки вдруг веером распаиваются огромные крылья. Мужчина таращит глаза.

– Привет тебе, прославленный Спартак – звучит на латыни глубокий грудной голос, совершенно не вяжущийся с хрупкой фигуркой девочки.

– Ты кто?.. – хрипит мужчина.

– Я послана тебе небом. Я принесла тебе свободу, Спартак.

Еще несколько секунд мужчина переваривает увиденное и услышанное. Но психика у гладиаторов крепкая, и к исте-

рике они не склонны.

– Никто нас не слышит, все спят.

– Ты выведешь меня отсюда?

– Нет, Спартак. Завтра ты сам выйдешь отсюда, и выведешь всех этих людей.

– Бунт...

– Бунт. Ты согласен?

Спартак смотрит угрюмо.

– Я давно согласен, маленькая мойра. Но госпоже известно, как нас тут стерегут? Никто не выйдет...

– Я знаю, это будет трудно. Вот, возьми – она протягивает ему серебряное кольцо с каким-то блестящим камешком – Это твоё оружие.

Спартак берет перстень, рассматривает.

– Надень его на палец правой руки. Если в бою руку сжать в кулак...

Спартак смеется, внезапно и хрипло.

– Прости, госпожа... Тебе, должно быть, неизвестно, но правая рука в бою всегда сжата в кулак. На рукояти меча.

– Тем лучше. Твой враг будет повержен на расстоянии до тридцати шагов. Нет, не убит – простой обморок. Но в бою этого достаточно, разве нет?

– Вполне достаточно, моя маленькая госпожа.

– Сейчас ты потренируешься... Хотя нет, времени мало. Ну-ка, смотри мне в глаза...

Звездное небо над головой кажется скопищем костров неисчислимого небесного воинства. А горящие на земле костры кажутся отражением звездного неба...

Спартак усмехнулся. Неисчислимое звездное воинство не торопится на помощь истекающей кровью армии мятежных рабов.

Порыв ветра из темноты, хлопанье крыльев большой ночной птицы. Тоненькая фигурка возникает из ничего. Жаль, что не видно этих ее необыкновенных глаз. И вообще ни зги не видно...

– Я не справился, моя госпожа. Я не снимаю с себя вины, но хочу спросить – почему боги так и не пришли нам на помощь? Давать советы легко... Где ваша сила? Или боги ничего не умеют делать сами, только руками смертных?

Долгое, долгое молчание.

– Ты прав. Ты прав, Спартак, и мне нечем перед тобой оправдаться.

Слышен плач.

– Не плачь, маленькая мойра. Разве посланнице богов пристало плакать? Я хочу сказать тебе спасибо.

– За что?

– Ты знаешь. Ты же видишь мысли людей, не отпирайся. Завтра мы умрем свободными людьми. Мы никогда больше

не станем рабами.

Плач стихает.

– Не все еще потеряно. Завтра ты должен разбить Красса. Спартак усмехается в отросшую бороду.

– У Красса семьдесят тысяч обученных легионеров, в броне. А у меня пятьдесят тысяч плохо вооруженных бойцов. И на помощь ему идут войска Лукулла и Помпея. Рим бросил против нас все силы.

– И все-таки надежда есть. Завтра Красс построит свои легионы клином и поведет их в атаку на ваш центр.

– Откуда тебе известно? Хотя да...

– Ты помнишь, что сделал Ганнибал при Каннах?

Спартак снова усмехнулся.

– Римляне умеют учиться, и не повторяют ошибок дважды.

– Но будет именно так. Более того, двадцать тысяч солдат будут стоять в резерве до самого конца. Ты понял? Красс бросит их в бой лишь тогда, когда его войска побегут.

– Бросит мне в тыл или зайдет с фланга?

– Нет, Спартак. Он бросит их навстречу бегущим.

Спартак рассмеялся.

– Разве Красс сошел с ума? Любой центурион, да что там – любой легионер знает, что будет в этом случае. Будет каша.

– Нет, Красс пока не сошел с ума. Но сойдет. Вот сегодня ночью. Я постараюсь.

Гладиатор воззрился на нее с веселым изумлением.

– Ты так могуча, маленькая мойра? Так пусть Красс прикажет своим легионерам зарезаться, или хотя бы разойтись по домам.

– Такой приказ никто не исполнит. Но как построить войска и как вести бой, решает военачальник. Так что вся их выучка и броня окажутся бесполезны. От вас требуется одно – храбрость в бою, Спартак.

– Храбрость – это единственное, чего у нас пока в достатке, госпожа.

Долгое, долгое молчание.

– Мне пора, Спартак. Я должна еще встретиться с Крассом, а это не так просто.

– Как тебя зовут, маленькая мойра?

Короткий невеселый смех.

– Хвала богам, наконец-то... Меня зовут Резвящаяся под Великой звездой, но ты можешь звать меня коротко – Рата.

– На всякий случай прощай... Рата.

– До свидания, Спартак.

* * *

Огонь в очаге угасал, ибо некому было подбрасывать топливо. Спят слуги-рабы, мертвым беспробудным сном – сейчас их можно разбудить разве что прижигая пятки. Охрана у входа в шатер спит стоя, как статуи. И сам прославленный полководец, могучий Красс спит, спит сидя, с открыты-

ми глазами.

– ... Только когда побегут, не раньше. Ты понял? Ответь!

– Я понял. Когда побегут – деревянным голосом заверяет римлянин.

– Сейчас ты уснешь и забудешь про нашу встречу. Но завтра утром ты проснешься и сделаешь все так, как я тебе велела. Спать!..

* * *

Х-ха!

Залитое кровью лицо с выпученными глазами. Глаза становятся бессмысленными, стекленеют, и римлянин оседает, косо и нелепо.

Х-ха!

Меч в руке порхает, как бабочка, и враги валятся снопами, один за другим. Спартак давно и прочно освоил волшебное оружие, данное ему маленькой посланницей богов, и в сочетании с умелым мечом это оружие неотразимо.

Х-ха!

Ремень, удерживающий на руке щит, лопнул под мощным ударом, но второй удар римлянин нанести не успевает – его голова отлетает, как тряпичный мяч. Спартак перехватывает за рукоять чей-то скользкий от крови меч. Чей? Неважно! Сейчас второй меч важнее щита.

Х-ха!

Стена римских щитов распадается, тает, съедаемая полноводьем людской ярости. Закованные в броню легионеры пятятся, пока что медленно, шаг за шагом, уступая бешеному напору людей, которым нечего терять, кроме своей свободы. Жизнь? Какие мелочи!

Х-ха!

А двадцать тысяч римских солдат до сих пор топчутся в резерве, не спеша на помощь своим изнемогающим в битве коллегам. Если бы сейчас они ударили с фланга... Выходит, ей удалось. Спасибо, маленькая мойра. Спасибо, Рата...

Х-ха!

Римские солдаты бьются злобно и умело, этого у них не отнимешь. Но сейчас они все сильнее сбиваются в кучу, теряя строй. Еще поднажать! Ну! Ну же!

Х-ха!

Острая боль в руке, и почти сразу – в животе. Ерунда... Второй меч сейчас куда важнее щита...

Мир вокруг завертелся и погас.

– Спартак! Спартак убит! Спартака убили-и!..

* * *

– Господин, мне кажется, момент критический. Пора бросать в бой резерв!

– Кто командует армией, Марк, я или ты?

Легат легиона, поставленного в резерв, поджав губы, отхо-

дит. Красс был вне себя от ярости. Да, он видел, сколь опасно положение его войск, и умом понимал – самое время бросить в бой те самые двадцать тысяч. Прямо сейчас, иначе будет поздно! Но что-то внутри не позволяло ему этого сделать. Нельзя, и все тут!

Красс в бессилии наблюдал, как пятятся, теряя строй, блесящие римские легионы, подминаемые темной массой грязных варваров, бывших рабов. Он закрыл глаза. Ему не удастся оправдаться перед Сенатом. Кандалы... Темное подземелье... Палач...

– Спартак! Спартак убит! Спартака убили-и!.. – донесся истошный крик.

И враз дрогнула, заколебалась темная масса беглых рабов, возмнивших себя людьми.

– Они побежали, мой господин.

– Все, Марк. Вот теперь – в атаку!

Нет, не зря внутренний голос не давал ему пустить в ход резерв. Сейчас двадцать тысяч свежих воинов легко порубят бегущих. Выходит, то был приказ свыше, глас богов?

* * *

– Оставьте! Оставьте меня! Пусти, говорю! Пусти-и!

Еще невиданная мной сцена – ангел бьется в истерике. Рату удерживают сразу трое, но это получается плохо – ведь помимо рук и ног у ангелов имеются еще и крылья, одним

ударом способные убить взрослого человека.

– Вы! Вы все! Он же верил нам! Они сражались, а вы... а вы смотрели на экраны, вы смотрели это, как фильм, в тепле и уюте, вы все, чистоплюи! Ты, координатор! У нас же есть оружие, а ты... Трус! И все вы трусы! Пусти меня, трус позорный!

– Хватит! Успокойся!! – рявкнул стоящий в середине ангел голосом, от которого мне сразу захотелось помочиться. Да, хороший начальник всегда найдет нужное слово для своих подчиненных.

Акустический удар возымел действие. Рата вдруг успокоилась, глубоко и часто дыша.

– Все. Ну все уже, пусти меня.

– Ну вот и хорошо.

Девушка, только что высвободившаяся, поправляет растрепанные перья и волосы. Да, она взяла себя в руки. Вот только хорошо ли это?

– Что именно хорошо, координатор? Горы трупов, оставшихся на поле боя? Или распятые вдоль Аппиевой дороги? Что тебе больше по вкусу?

Координатор молчит, катая желваки. Для ангельского лика зрелище необычное.

– Не надо. Не стоит скрипеть зубами. Я заявляю тебе прямо, координатор – я не успокоюсь, покуда на месте этого проклятого города не образуется огромная яма, наполненная мертвой водой. Я говорю это тебе при свидетелях, в ясном

уме и твердой памяти.

– Этот город не один на планете, Рата.

– Не называй меня Ратой, я не разрешаю. И вообще, дорогие коллеги, я понимаю, что мне тут больше не работать. Ну что же. Запомните мои слова. Вы все трусы, вы боитесь крови. А эти гады крови не боятся, они купаются в ней. И пока вы не научитесь выжигать осиные гнезда, выжигать, не считая убитых, ничего у вас не выйдет.

– Убитых тут хватает и без нас. Чужую кровь лить легко...

– Не надо. Не надо словоблудия. Вы будете возиться с вашим точечным вмешательством, а болезнь будет распространяться шире и шире. И когда она захватит всю планету, ваши преемники сбегут отсюда, сбегут из пропащего навеки мира, прокляв вас за бездеятельность и трусость.

– И что ты конкретно предлагаешь? – подал голос ангел, один из державших девушку во время истерики.

– Ты отлично понял меня, Арт, не строй из себя бескрылого младенца. Все пораженные земли должны стать дикими. Новые, не затронутые болезнью народы заселят эти земли, а нам останется только следить, чтобы начинающие тираны вовремя гибли вместе с чадами и домочадцами. Все империи надо гасить в зародыше.

– Тебя надо лечить, Рата.

– Я здоровее вас всех. Я так понимаю, плутоний вы мне не вернете?

– Разумеется, нет.

– Тогда дальнейшую болтовню с вами, мои бывшие коллеги, я считаю бессмысленной. Я все сказала. Дикси!

Диафрагма люка за Ратой закрывается медленно, осторожно. Это вам не теперешние люки, словно возникающие из ничего. Публика подавленно молчит.

– Сколько там накапало?

– Сто семьдесят пять тысяч долей чистого плутония. Причем уже в готовых отливках, оставалась сборка заряда. Она трудилась всю ночь, запустив сразу четыре элемент-конвертора. И двух универсальных роботов взяла с собой.

– Она не получила дозу облучения?

– Вроде нет. Она работала на редкость собранно и спокойно, там сохранилась контрольная видеозапись.

Координатор нервно заходил по залу.

– Послушай, шеф... Ну не переживай так... Все образуется...

– Перестань, Арт. Ты считаешь, за сочувственной болтовней тебе удастся скрыть подлинные мысли?

* * *

– Это было новое тяжелое поражение, – Уот все вертит и вертит свой серебряный карандаш. Может, его это и успокаивает, но вот меня понемногу достает... – Общественное мнение тогда разделилось.

Некоторые, скажем мягко, горячие головы предлагали

устроить тут, на Земле, некую всепланетную лабораторию по выведению хороших людей и переделке плохих в основном физико-химическими методами. Этаких спокойных, беззлобных увальней, радующихся идиллической сельской жизни. Стыдно вспомнить! К счастью, таких было очень и очень немного. Когда их оппоненты всерьез стали обсуждать вопрос о принудительном применении к этим ребятам ими же созданных препаратов и аппаратов, авторы проекта скромно ушли в тень.

Вторыми были сторонники виденной тобой Раты. Нет, разумеется, идея была сильно модифицирована, но все равно... В общем, если коротко – явить свою мощь, проведя несколько показательных боевых операций и казней непокорных. Силой навязать землянам желательный строй и полную демократию. Таких было больше, и опасность утраты Землей своей цивилизации была вполне вероятна – сил же не было смотреть, как вы мучаетесь! Но уже тогда большинству было ясно – это путь в тупик, причем безвыходный.

Третьих было еще больше. Они рассуждали логически. Прямое массовое вмешательство недопустимо. Точечные акции безрезультатны. Тогда какой смысл гонять к Земле звездолеты? Да, стационарных телепортов на Земле тогда еще не было, и даже бортовых установок на звездолетах не было. Поэтому каждый раз приходилось посылать к Земле звездолет – огромные улетали средства! Не лучше ли поступить, как «зеленые» – оставить на планете скрытые устройства

наблюдения, внепространственный ретранслятор в лунном кратере... Дешево и мило! Трусы! – Уот с силой брякнул на скатерть свой карандаш. – Вот где настоящая трусость!

Но все-таки больше всего было таких, как этот вот координатор, – Уот кивнул на экран. – Таких, как теперешние Мауна и Уэф, родители твоей жены. И таких, как она сама. И они работали, работали, несмотря ни на что.

А на твоей родной планете тем временем римские легионы уже топали по всему Средиземноморью, окончательно превращая его в стопроцентный, логически заверченный ад. Рабовладельческий строй распространялся все шире, и казалось, пророчество Раты сбывается. Надо было искать выход.

И выход был найден. Только, к нашему стыду, нашли его не мы. Его нашел бездомный бродяга из Иудеи, известный вам на Земле под именем Иисус Христос.

* * *

Снова светится объемный экран, и новые кадры. В колоннаду дворца Ирода Великого, мучимый мигренью, медленно входит прокуратор Иудеи Понтий Пилат...

Что-то вдруг изменилось. Я вижу все, будто сквозь текущую воду. И голос моего наставника доносится до меня будто из-под воды.

Да, это он. На экране сейчас никто иной, как Иисус Христос, Иешуа на местном диалекте. Да, мысли о том, что этот

мир несправедлив, приходили в головы миллионам людей. Но только ОН сумел понять, как именно следует устроить этот мир.

Не убей. Не укради. Не отнимай вола и жену у ближнего своего. И вообще возлюби ближнего своего, как себя. Как такое возможно?!

– Мы вышли на него уже тогда, когда он всюду вел свои проповеди. Самому дойти до всего, представляешь?! Даже принцу Сиддхартхе Гаутаме потребовался толчок. В общем, дело пошло...

Вот только Римская Империя уже сильно отличалась от Индии времен Будды, являя собой законченный ад, и к тому же новый пророк был отнюдь не царского рода. Да и царский титул вряд ли спас бы его в том аду, где он вел свои проповеди. Так что он немного успел... Немного успел лично.

На экране новые кадры – на пустынном берегу Иордана, укрытые от постороннего взгляда густо разросшимися кустами инжира, беседуют ангел и Иешуа. Жестикулируют, улыбаются, даже смеются. О чем они говорят?

– О жизни... – Уот все вертит и вертит свой карандашик.

А кадры на экране все сменяют и сменяют друг друга. Осужденные на помосте, и возбужденная толпа, замершая в ожидании. Звериное, жадное любопытство на лицах. Это их сегодня казнят. Их, а не меня! И этот вот безумный философ сегодня умрет, а я буду жить, жить долго, жить богато... А хотя бы и не богато – просто долго. Какое счастье!

Но есть и другие взгляды. Вот толстая тетка смотрит на осужденных, жалостливо вытирая глаза грязным пальцем. Вот долговязый грек в обтрепанной хламиде глядит исподлобья на стоящих на трибуне владык, духовных и светских, и во взгляде у него тяжелая, свинцовая ненависть. А вот боль и отчаяние плещутся в глазах еще совсем молоденькой девушки.

И совсем уже безумный, полный нечеловеческой муки взгляд у этого худого, заросшего неопрятной шерстью человека, которого камера зонда показывает крупным планом. Левий Матвей.

– Да перестань ты вертеть свой карандаш! – вдруг ни с того, ни с сего рявкаю я на своего учителя, и тут же мне становится стыдно. Как с цепи сорвался, право...

– Я не могу. Тогда я буду ломать пальцы, – угрюмо отвечает Уот.

– Извини, пожалуйста...

– Я не обиделся. Где ты видишь обиду? И я тебя отлично понимаю.

А на экране уже беспощадное солнце ровно калит землю мертвым, железным светом. На вкопанных на вершине мертвой, безлесной горы крестах висят люди. Живые пока еще люди, прибитые к мертвому дереву грубыми железными гвоздями, больше напоминающими железнодорожные костыли.

– Скажи. Скажи мне. Разве ничего нельзя было сделать?

Уот смотрит мне в глаза пронзительно и ясно, и я вдруг отчетливо понимаю: вот сейчас, в этот момент, решается – смогу ли я работать в этой конторе, или мне придется переходить в садоводы-лесоводы.

– Можно. Вот для него конкретно, для него одного. А как быть с десятками тысяч распятых вдоль Аппиевой дороги? И с сотнями тысяч других? И с миллионами, нет, к тому времени уже десятками миллионов рабов? Которых вскоре должно было стать сотни миллионов?

– Я понял, – медленно говорю я.

Его взгляд внезапно погасает, он смотрит в землю.

– Но тогдашнему координатору, контролировавшему Восточное Средиземноморье, все-таки удалось для него кое-что сделать.

На экране глубокая, безлунная средиземноморская ночь, черная, как чернила. На землю тихо, неслышно опускается планетарный катер, возникший будто из мрака. Нет, это еще не современный транспортный кокон, невидимый и неосязаемый, но все-таки на этой древней машине уже стоит оптическая маскировка, позволяющая летать, не опасаясь любопытных, но невооруженных глаз аборигенов.

Сидящий у входа человек в рваной хламиде уже заснул крепким сном. Из катера по раскрытому пандусу выходят ангелы – один, два, три... Четверо. Входят в грот, в глубине которого покоится тело, завернутое в грубый плащ. Берутся вчетвером, несут убитого к своему ковчегу. Легко несут, без

натуги. Ангелы только выглядят маленькими и хрупкими.

– Почему они не используют роботов? – спрашиваю я.

– Потому что, – и по тону ответа я понимаю, что опять ляпнул...

Катер устремляется вверх, растворяется в небе. Конечно, хорошо бы оставить здесь муляж, но сделать его не успели...

И снова на экране мелькают кадры – тело, покоящееся в жидком гелии. Светятся экраны, на экранах мелькают какие-то значки, образы... Группа ангелов спорит, один даже руками размахивает. Нет, восстановить тело можно, но стоит ли? Да, я за то, чтобы он стал одним из нас. Помилуйте, да вот уже и программа готова!

А вот и саркофаг, знакомое устройство. Витализатор, в котором мертвые оживают. И даже при нужде превращаются в ангелов.

А вот и новообращенный, ошеломленно вертит головой, выглядывая из ванны волшебного аппарата. Да, ему было труднее – ведь я-то все понимал, и со мной была моя Ирочка...

– Убить можно только носителя мысли, но сама мысль по природе своей бессмертна, – Уот наконец-то оставил в poche свой карандаш. – Она распространяется, как цепная реакция, неудержимо и лавинообразно.

И снова я понимаю. Да, неудержимо и лавинообразно. Вот уже некий Савл, бывший ревностный гонитель первых последователей нового учения, а теперь его адепт, проповеду-

ет среди толпы, внимающей жадно и цепко. И скрипит гусиное перо, заноса на пергамент мысли, чтобы люди могли прочесть и передать другим. И вот уже самого Савла нет в живых, а пергамент остался. Его мысли и чувства живут среди людей, и скрипит гусиное перо, разнося их все шире...

– Разумеется, это не осталось без ответа. Дьяволы, вроде Нерона и Калигулы, контролировавшие тогда территорию Римской Империи, боролись с ростками нового, как могли. Но никакие садистские ухищрения не могли остановить процесс, и новое учение распространялось все шире. И нечего было противопоставить прозревшим людям, кроме грубой и жестокой силы. Обычные приемы владык тут не работали. Принцип «разделяй и властвуй»? Христианские общины были вполне сплоченными. Предательство? Да, предатели были всегда и везде, но тут они не играли решающей роли. Люди больше не хотели жить в аду. И новое учение проникало в семьи патрициев, сенаторов, членов императорской семьи... В самый мозг Великой Империи Зла, уже разлагавшейся изнутри, рушившейся под тяжестью неслыханных злодеяний.

Однако на сегодня достаточно. Вопросы есть?

Вопросы... Нет вопросов. Ну нет пока у меня вопросов, хоть убейте! Не созрел я...

Уот заметно огорчен, я вижу.

– Понятно. Ладно, созревай. Вот это тебе домашнее задание, смотри. А меня уже мутит от этой истории, извини за прямоту. Никак не могу привыкнуть, хотя работаю в земном

отделе не первый год – он вдруг засмеялся – Но хоть на природе отдохнули. Давай окунемся, что ли?

* * *

– ... Ты не испортишь свою фигуру, девушка?

В ответ Нечаянная радость подгребает лапкой оставшиеся на блюде кусочки маслянистого плода, урча, ускоряет процесс питания. Да, она заметно округлилась. Ирочка права, я перекармливаю зверюшку из эгоистических соображений. Когда она хорошо накормлена, то спит крепко и не мешает мне заниматься.

Радость облизывается, довольно вспархивает мне на голову, урча, начинает облизывать. Благодарный зверь, ничего не скажешь.

– Ну все, все... Давай уже спать, а?

Умница, все поняла. А может, совпадение – после сытного обеда летучие сони всегда спят. Древние и благородные животные, аналог наших земных кошек. Когда-то эти зверюшки бодрствовали по ночам, охотясь на ночных насекомых и очищая жилища древних ангелов от всевозможных паразитов и кровососов. Но все паразиты и кровососы уже давным-давно перекочевали на страницы истории, и столетия сытого безделья расшатали охотничьи инстинкты сонь. Теперь они спят большую часть суток, просыпаясь только для игр и еды. Спи, спи, Нечаянная ты наша радость... А

мне пора работать. Выполнять домашнее задание.

Вспыхивает в воздухе, протаивает в глубину виртуальный дисплей...

* * *

Зал Верховного Совета (да, именно так) полон. Еще бы! Сегодня решается вопрос о дальнейшей судьбе проекта «Земля». Решается судьба целой планеты.

– ... Таким образом, все эти гигантские жертвы оказались напрасными. Разумное сообщество планеты по-прежнему пребывает в состоянии перманентной дикости. Они не продвинулись ни на полшага. Да, да, я вижу ваши возражения, коллеги. Вижу и отмечаю их. Весь этот прогресс, дворцы, храмы и статуи – все это одна видимость, мыльные пузыри. Человек по природе своей остался хищным зверем. Не перебивайте, пожалуйста! Я еще раз повторяю – люди в массе своей остались хищными обезьянами, признающими только право сильного и подчиняющимися лишь страху. Да, есть исключения, но это именно исключения, их ничтожно мало – ученых, поэтов... И все они погибнут, как только лопнет мыльный пузырь этой звериной цивилизации. А лопнет он обязательно, и уже скоро.

Я считаю, что продолжать работу прежними методами нельзя. Нет, я не призываю все немедленно бросить и бежать, оставив лишь автоматических наблюдателей, как

предыдущий оратор. Но пора наконец признать – тот первый успех был случайностью, а все последующие провалы – закономерность. Человечество не поддается точечному воздействию. Надо искать выход. У меня все.

Докладчик садится, и его увеличенное изображение, висящее прямо в воздухе перед собранием, гаснет.

– Кто следующий? Прошу! – председатель делает неуловимое движение рукой, и в воздухе вспыхивает новое изображение.

– Выход искать не нужно. Выход давно известен, и надо только воспользоваться им. Напомню, что кроме точечного скрытого вмешательства существует еще открытое и массовое.

Да, я тоже вижу ваши возражения. Да, самобытность этой цивилизации будет навсегда утрачена. Но болезнь расплзается шире и шире. Сотни миллионов замученных и убитых – не слишком ли высокая цена за эту самобытность? У меня все.

– Кто следующий? Прошу!

Новый оратор делает паузу в несколько секунд, собираясь с мыслями.

– Я хочу предоставить вам справку. Население территории, занимаемой сейчас так называемой Великой Империей Зла, именуемой специалистами иногда еще Римской, сократилось более чем втрое по сравнению с предшествующим первобытным периодом, и продолжает медленно сокращать-

ся. А в степях на востоке очень размножились дикие, не затронутые пока болезнью рабства и полные сил народы. В ближайшее время они двинутся на запад, спасаясь от перенаселения, и Великая Империя Зла будет смыта ими, как потопом. И народы, еще обретающиеся на зараженных территориях, исчезнут. Да, они погибнут, но перед смертью успеют заразить пришельцев. Работа – удел рабов! Такая идея непременно понравится ряду племенных вождей, и все начнется сначала.

Я тоже за массовое вмешательство, но не такое, какое имел в виду предыдущий оратор. Я за решение, подсказанное нам уже давно мудрой Резвящейся под Великой звездой – кстати, она сейчас в этом зале. Пораженные земли должны стать дикими, и пусть пришедшие встретят лишь заросшие травой дворцы и храмы в заброшенных городах. Пусть занимают их и живут, а если захотят – пусть разрушат и построят свои. Но это будут свободные люди. Жестоко? Давайте не будем! Что важнее, спасение целого разумного вида или некоторое продление агонии пораженных болезнью народов, которые так и так обречены? И делать это надо быстро. У меня все.

– Кто следующий? Ты, мудрая Рата? Прошу!

Новое изображение вспыхивает в воздухе. Я узнаю в нем девушку, которая билась в истерике, пытаясь вернуть плутоный, приготовленный для великого Рима. Вот только глаза другие. Совсем другие глаза.

– Все верно. Все правильно. Предыдущий оратор прав – они погибнут, нынешние народы Империи Зла. И сразу свою они передадут новоселам, непременно передадут. Но они передадут им и другое – то, что накопили за эти века. И эти идеи, что сейчас повсюду гуляют по империи, тоже. И новым народам не придется начинать все сначала, и не будет замкнут дьявольский круг – просто начнется новый виток спирали. Долгий, долгий виток. Но не круг, вот что важно. А все остальное – мелкие детали.

– Непонятно. Ты против своей собственной концепции, Рата?

– Да. Я против. За время, что прошло с момента восстания Спартакса, многое изменилось. Они меняются, люди, ну неужели вы не видите? Да вот он сидит, Восставший из праха, биоморф и бывший человек – он вам скажет...

– Ты тоже сильно изменилась, Рата. Однажды ночью ты гнала плутоний...

– Молодая была, глупая.

Зал смеется.

– Я заканчиваю. Вот тут было сказано, что огромные жертвы были напрасны. Это неправда. Но это станет правдой, если мы сейчас покинем их. Мы должны продолжать, несмотря ни на что. Более того, следует резко усилить наше влияние, применять точечное воздействие не только в глобально-ключевые моменты истории, но и в частных случаях, имеющих локальное значение. Новые прогностические машины поз-

воляют видеть такие моменты, просчитывать риск. Да, это потребует увеличения расходов. Но я призываю вас принять такое решение. У меня все.

– Кто следующий? Прошу!

Еще один оратор встает с места.

– Вот тут уважаемая Резвящаяся под Великой звездой просит нас принять решение об увеличении расходов на проект «Земля». Отвечаю – они и так непомерны. Каждый полет звездолета к Земле съедает заметную долю ресурсов всей планеты. Еще бы, такая масса! К тому же до сих пор звездолеты остаются весьма опасными в эксплуатации машинами – вспомните, сто десять лет назад «Прорыв» и вот недавно «Прыжок» так и не вышли из перехода. Сейчас на ходу всего четыре звездолета, и в ближайшее время новых не будет. Каждый рейс – подвиг, разве это нормально? Но это бы полбеды. Всем вам известно, что в созвездии Самоцветов открыта цивилизация свиров, очень молодая и перспективная. Но и там уже появились очаги заразы. Сейчас их можно довольно легко погасить, но время работает против нас. Как быть? Два этих проекта вместе мы не потянем ни при каких условиях. Любая благотворительность имеет предел. Мы не можем наносить ущерб собственной цивилизации.

Тяжелое молчание разливается по залу.

– Кто еще? Слово имеет Восставший из праха. Прошу!

Я вглядываюсь в изображение. Ничто в этом сияющем ангеле не выдает того бродячего философа, распятого по при-

говору несправедного суда. Вот разве глаза... У него же совершенно человеческие глаза, вот что.

– Мне очень жаль, что с нами нет принца Сиддхартхи и его верной Юайи, ушедших в свою Нирвану. Ладно, я скажу один. Вот тут было сказано, что расходы на проект непомерны. Но ведь львиную долю расходов составляет доставка грузов звездолетом, так? Насколько мне известно, многое оборудование можно делать и на Земле.

– Многое – это не все...

– Прошу прощения, я не закончил. Мы с моими товарищами разработали проект, позволяющий отказаться от использования звездолетов.

Вспыхивает огромный виртуальный экран. На экране – знакомый шар, весьма похожий на тот, что стоит в подвале старого скита, только он гораздо больше в диаметре. Верхняя половина шара поднимается, блестят непомерной толщины стенки гигантского ореха. В зале оживление.

– Мы назвали это телепортом. Это устройство позволяет мгновенно перемещать груз весом более миллиона долей на расстояние... впрочем, дальность напрямую связана с затратами энергии и пиковой мощностью установки. Смотрите характеристики.

На экране возникают диаграммы и графики. Шум в зале усиливается.

– Почему Совету ничего не известно?

– Приятный сюрприз должен быть внезапным, – в зале

смех. — Чтобы противники не успели подготовиться.

— А как насчет живых грузов? Насколько это опасно?

— Не скрою, риск есть, а на расстоянии в сотни светолет немалый риск. Но не намного больше, чем при использовании звездолетов.

— Эта установка работает в обоих направлениях?

— Нет, к сожалению, пока только туда. Видите ли, струну приходится держать непрерывно, а это требует мощного источника энергии, мы используем кварк-генератор. На Земле установка подобного устройства пока проблематична. В зале есть физики, они меня поймут.

— Подождите... Это значит, ваш... да, телепорт не дает возможности вернуться? Это дорога в один конец?

— Это правда. Но я не закончил. Я предлагаю сделать миссии на Земле практически бессменными, тогда вопросы обратного пути отпадают вовсе.

Шум в зале, все пересвистываются, щебечут.

— Это дело сугубо добровольное. К тому же в крайнем случае всегда можно возобновить полеты звездолетов. Лично я готов отправиться на Землю на любой срок, и думаю, найдутся и другие. И потом, вы совершенно напрасно стараетесь все делать сами. В штат миссий вполне могут войти люди.

Шум в зале достигает апогея.

— Я заканчиваю. Идя на заседание сегодняшнего Совета, я отчетливо понимал, что все это — пустая формальность, консилиум у смертного одра, выражаясь по-человечески. Два

проекта не потянуть, и надо делать выбор. Без сомнения, свирам надо помочь. Пусть звездолеты уходят туда. Но я прошу сделать еще один рейс и доставить на Землю приемную установку телепорта. Тогда расходы на содержание земных миссий резко сократятся, и люди не будут отнимать надежду у свиров. Я вас очень прошу. Не бросайте людей... пожалуйста.

Вот теперь в зале становится тихо. По-настоящему тихо.

* * *

– Ау, любимый!

Моя жена стоит во входном проеме, озаренная солнцем. И сама сияет, как солнышко. Маленькая моя...

«Ты и сам сейчас не особо громаден, мой бывший хищник» – смеется Ирочка. Но я уже вижу причину ее веселья.

«Да. Мне пришлось потрудиться, зато точная копия. Груз уже на крыше башни»

В кухне-хозблоке отъезжает стена, и в наше жилище с мелким топотом гофрированных ножек вваливаются роботы-грузчики, несущие диван. Да, диван, точь-в-точь копия того, самого первого...

– Ставьте у стены! – командует Ирочка – Да, вот тут. Свободны!

Я подхожу, шупаю обивку.

– Где ты достала ткань?.. – и уже сам понимаю – снова

ляпнул...

Ирочка смеется. Переходит на русский язык.

– Я ночами не спала, все ткала, ткала, ткала... Нанороботы, Рома, могут сделать все, если ты в состоянии объяснить, что именно тебе нужно.

– Отличный муляж.

В ее глазищах пляшет смех. Она переходит на мысль.

«Муляж? Эта штука должна работать. Сейчас мы это проверим»

Она медленно приближается ко мне, слегка распустив крылья, и меня охватывает дрожь. Сейчас, вот сейчас... Сейчас мы проверим, как эта штука работает...

* * *

«Роман, Иолла, здесь Уэф. Можно посетить ваше жилище?»

Я вздрагиваю, и Ирочка тоже. Ловко выскальзывает из моих объятий, садится на краю дивана, как ни в чем не бывало.

«Папа? Конечно, можно!»

На ковре из ничего возникают два ангела, сидящие по-турецки. Папа Уэф и мама Маша. От неожиданности я зачем-то судорожно прикрываю горстью срам. Хорошо, что мы успели закончить ходовые испытания дивана...

В фиолетовых глазах Уэфа прыгают огоньки.

– Здравствуй, Рома. И тебе привет от деда Иваныча, доч-

ка. Поздравляю вас с обновкой.

– Спасибо, папа. Как дед? Сильно чахнет по внучке?

– Заметно, – это уже мама Маша. – Жаль, сегодня он не успел к сеансу связи. Но в следующий раз обязательно.

– Ты уже начал работать, Рома? – это опять Уэф.

– Да... Не знаю, как насчет работать – кино смотрю пока... Уэф прищуривается. Переходит на мысль. Да, у них и мысли транслируются при сеансе межзвездной связи.

«А ты полагал, тебе сразу поручат проведение операции против «зеленых»? Или и вовсе руководство земным отделом? Вводный курс – совсем не кино. Извини за прямоту, но ты опять придуриваешься, Рома, я же вижу. Это ты мог себе позволить, работая простым исполнителем в миссии под крылышком у тестя. В твоей нынешней конторе придурков не любят»

Да, папа Уэф в своей манере, он умеет брать быка за рога. И промеж рогов может врезать при нужде.

– Не обижай моего мужа, папа, – Ирочка смеется. – Он не придуривается, он созревает.

Да я и не обиделся. На правду обижаться глупо.

Мама Маша легко встает, коротко встряхивает крыльями.

– Вот что, дочка. Пойдем-ка в соседнюю комнату, я переключу канал связи туда. Рома, я попрошу тебя не подслушивать наш разговор, ладно? Иолла сама тебе потом изложит все тебя касающееся. Поговорите пока с Уэфом.

Она выходит из круга, ограничивающего объем передава-

емого изображения, пропадает. Ирочка, коротко глянув на меня, тоже направляется к выходу. Интересно, о чем они там хотят пошептаться?

«О проблемах зачатия от биоморфов, например» – это Уэф – «Не стоит вникать в чисто женские проблемы, Рома. Я полагаю, у тебя сейчас хватает своих. Если хочешь, мы их обсудим, время есть. Как тебе?»

* * *

– Ты должен начинать спать, Рома. Я не имею в виду – с Иоллой на диване, ты должен спать так, как тогда. Ты должен видеть. Любая способность, Рома, либо используется, либо утрачивается, уж ты мне поверь. Постарайся не пропускать ни одной ночи. Развивай свой дар.

Уэф, как обычно, перебирает четки. Нет, все понятно – либо используется, либо утрачивается... Но как же тогда диван?

– Одно другому не помеха – в глазах Уэфа прыгают огоньки – Даже у нас в Раю ночь длится целых четыре часа, вряд ли вы с Иоллой сможете эксплуатировать диван так долго. Или сможете?

Грубо, папа Уэф. Нет, как угодно – не могу я привыкнуть к их спокойному, уверенному бесстыдству...

Уэф смеется своим серебряным девичьим смехом.

– Ладно, Рома, диван, это ваше семейное дело, мне тут

соваться и вправду не стоит. Но вот что я тебе скажу... Тебя взяли в службу внешней безопасности именно как Великого спящего, потому что как оперативный сотрудник ты пока ничего не стоишь, и это будет еще довольно долго. Я скажу тебе больше – кое-кто считает, что ты способен на большее. Если ты будешь тренировать свои способности, кто знает... Может быть, ты станешь Великим грезящим, как твой шеф Биан или Аина в вашей группе. Или даже Всевидящим.

Я вспоминаю – Аина сидит с закрытыми глазами... Вон оно что...

– А в чем между ними разница, папа Уэф?

– Разница в том, что ты во время сна не контролируешь свои видения, в крайнем случае контролируешь частично, как это было тогда... А Великий грезящий грезит наяву, находясь в сознании, и может эффективно контролировать и направлять свои видения.

– А Всевидящий?

Уэф задумчиво перебирает четки.

– Всевидящий... Этот феномен до сих пор необъясним наукой, Рома. Слишком мало фактов. Сейчас на нашей планете всего пятеро действующих Всевидящих, плюс семеро у сэнсэев. Есть ли живые Всевидящие на Земле и на Свире, неизвестно – трудно выявить их среди массы невежественных дикарей – но у «зеленых» их нет точно. Как, впрочем, и Великих грезящих и даже Великих спящих.

Забавные стеклянные зверюшки так и мелькают в пальцах

Уэфа.

— А вообще-то, согласно современным представлениям нашей науки, Всевидящие просто не могут существовать, Рома. Как работает голова у Великих спящих, в общих чертах понятно — явление это сродни телепатии, только шире. И уже недалек день, когда явление станет доступным многим, как до этого стала телепатия. И Великие грезящие тоже в принципе понятны, они отличаются от Спящих лишь тем, что бодрствуют во время сеанса. И те и другие способны видеть в пределах своей планеты, максимум ее ближайших окрестностей. А Всевидящие способны видеть именно все. Все, что угодно, Рома, даже за сотни и тысячи световых лет. Даже за миллионы и миллиарды, если на то пошло. Как это происходит... Никакие носители информации не способны сами по себе преодолеть световой барьер — ни свет, ни гравитационные волны, ни всепроникающие нейтрино. Есть, правда, обходной путь. У нас есть установки внепространственной связи, именно благодаря им мы с тобой сейчас разговариваем. Но представить, что живой мозг способен организовывать управляемый микроколлапс пространства и формировать гиперструну... немыслимо! Нет, тут действует какой-то другой механизм. Ты спроси у Фью, в его институте есть группа ребят, безусловно гениальных, хотя на мой взгляд и не совсем здоровых психически. Эти ребята занимаются как раз вот этой проблемой, но пока безуспешно.

Уэф внезапно настораживается.

– Однако мы отвлеклись, наши женщины уже обсудили свои проблемы, и пора заканчивать сеанс связи. Дорого, блин! – уже совершенно неожиданно голосом Коли-Хруста говорит Уэф, смеется. – Ты не стесняйся там задавать вопросы, только не дурацкие. От тебя и ждут сейчас именно умных вопросов, Рома. На умный вопрос – умный ответ, на умный ответ – новый умный вопрос, и так далее... И начинай спать! Ну, поговорили? – это уже не мне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.